

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ

ЗЕЛЁНАЯ

Джей ЛЕЙК

Победитель престижной премии Джона Вуда Кэмпбелла
«Лучший новый писатель», присуждаемой за произведения
в жанре фэнтези.

Джей Лейк

Зеленая

«Центрполиграф»

2012

Лейк Д.

Зеленая / Д. Лейк — «Центрполиграф», 2012

Бедный крестьянин продает свою маленькую дочь иноземцу. Тот увозит ее на север, в город под названием Медные Холмы, которым правит бессмертный Правитель. У нее больше нет имени, она просто «девочка» и «кандидатка». Ее поселяют в доме таинственного Управляющего, который, оценив ее красоту, дает ей имя Изумруд. Но взбунтовавшаяся героиня уродует свое лицо, называет себя Зелёной и убегает. Конечно же ей не дано знать, что это лишь начало ее фантастических приключений и невероятных испытаний на пути к свободе...

© Лейк Д., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Воспоминание	5
Покидая дом	9
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джей Лейк Зелёная

Посвящается моей дочери, потому что в книге рассказывается о ней. Когда-нибудь она, если захочет, объяснит, что здесь правда, а что выдумано отцом.

Воспоминание

Первое, что я помню в этой жизни, – отец ведет белого буйвола по кличке Стойкий к платформе для небесных похорон. Мы бредем по пыльной дороге. В стране, где я родилась, все, что не затоплено водой, покрыто пылью. По обе стороны дороги – разверстые канавы; они так и манят в них поиграть. Заливные поля стоят сухие, наполненные жнивьем, но теперь я не могу сказать, какое тогда было время года.

Хотя мне суждено было изменить судьбу городов и богов, тогда я была просто маленькой, грязной девочкой в маленьком, грязном уголке мира. Я и слов-то почти не знала. Хотя знала, что бабушка сидит верхом на терпеливом буйволе. В тот день она была очень тихая и молчаливая. Только звенели ее колокольчики.

Каждой женщине в нашей деревне при рождении дарили кусок шелка или лучшую ткань, какую могли позволить себе родные. Говорят, что длина материи означает продолжительность жизни. Правда, я так и не узнала, прожила ли сестра ростовщика, с ног до головы обмотанная дорогим шелком, дольше скромной крестьянки в коротком одеянии из простой материи. С самого раннего возраста девочек учат каждый день пришивать к своему шелку по колокольчику; выходя замуж, девушка танцует под звон четырех тысяч колокольчиков. Каждый день женщина продолжает пришивать к своему одеянию по одному колокольчику, и, когда она умирает, ее душа улетает из нашего мира под звон двадцати пяти тысяч колокольчиков. Самые бедные нашивают на материю гороховые стручки или раковины, но даже и они служат зарубками нашей жизни.

Мой первый шелк давно сгинул, как сгнули и несколько кусков, которыми я пыталась его заменить. Не торопите меня; позже я объясню, почему так вышло. Но раньше мне бы хотелось объяснить, как получилась я. Если не понять того дня, самого первого из тех, что мне запомнились, похожего на первую птичку, что слетает с ветки, вы не поймете, кто я такая и почему стала такой, какая есть.

В тот день громче всех звучал буйвол Стойкий. Его деревянный колокольчик цокал в такт его шагам. Тысячи колокольчиков на бабушкином шелку звенели, как первые капли дождя по крыше нашей хижины после долгого жаркого и сухого сезона. Позже, перед тем как я вернулась в Селистан, к своим истокам, я вспомню тот день и подумаю: может быть, под этот благословенный звон ее душа поднималась от обжигающих камней нашего мира в прохладные тени мира следующего?

В тот день звон колокольчиков казался мне слезами, которые роняют тюльпы, празднуя ее переход в мир иной.

Помню, в тот день земля качалась перед глазами – значит, я не шла своими ногами. Перед собой я видела только Стойкого и бабушку. Отец вел буйвола в поводу, значит, меня, скорее всего, несла на руках мама. Тогда она была еще жива. Помню тепло ее рук и то, как крепко она прижимала меня к себе. Я извивалась, вырывалась; мне хотелось смотреть вперед. Больше я ничего не помню о матери – совсем ничего.

Ее лицо навсегда сокрыто от меня. Я очень много потеряла в этой жизни, потому что всегда спешила вперед и не оглядывалась на начало тех троп, по которым бежала.

И все же не сохранившаяся в моей памяти мама делала для меня все, что мать должна делать для своего ребенка. Она шла неспешно, принаравливаясь к цоканью деревянного колокольчика Стойкого. Она держала меня на руках, и я время от времени видела бабушкины глаза, подведенные белой краской.

Морщины у нее на лице напоминали карту. Карту, отражающую возраст женщины. Кожа у нее как будто была покрыта сеткой паутины, а белые веки напоминали пауков, которые только и ждут, чтобы поймать подошедшую слишком близко малышку и покрыть ее поцелуями или заключить в объятия. Скорее всего, зубов у бабушки под конец жизни не осталось совсем; помню, красные от бетеля губы были вечно поджаты. Выражение ее лица было мне так же хорошо знакомо, как вкус воды. Бабушкин длинный нос, не похожий на носы большинства селистанцев, придавал ей величественный вид, несмотря на старческую дряхлость. На голове сохранились лишь отдельные пряди волос, прикрытые шелковым одеянием в колокольчиках. Наверное, такая картина – это воспоминание о воспоминании.

Должно быть, после смерти ее обмыли, обрядили, раскрасили красной и белой красками. Предполагаю это по опыту прожитых лет; я многое узнала и поняла, помогая готовить умерших к переходу в следующую жизнь – и отправив туда многих собственноручно.

Касался ли мой отец остывающего тела матери, проводя последние обряды?

Помогала ли мать подготовить свекровь к переходу в мир иной?

Хорошо ли мать и бабушка ладили друг с другом, или же они часто ссорились и бранились?

Меня многого лишили. То, что мне дали взамен, кажется мелким по сравнению с яркостью того мига. Помню ярко раскрашенное бабушкино лицо; мерное цоканье буйволиного колокольчика и серебристый перезвон бабушкиных колокольцев; выцветшие кисточки на больших витых рогах буйвола. Помню жару, окутавшую меня ярким и душным одеялом; пыльный, гнилостный запах, которым тянуло от дороги; гнусавый голос отца, тянувший монотонную погребальную песнь. Хотя я была еще очень мала, я понимала, что он сильно горюет.

Тот день выделяется из клубка позднейших событий. Он стоит особняком, как первая скала, что обнажается на прибрежном рифе во время отлива. Хотелось бы мне видеть прошлое так же отчетливо, как видят его люди в синих одеждах, которые сидят на искрошившихся головах древних идолов в Портовом рынке, что в Медных Холмах. За несколько медных монет они входят в свои дома воспоминаний и рассказывают, какими яркими были праздники и знамена в давно ушедшие годы.

Память о прошлом – искусство, которое поглощает своих приверженцев и топит их в лабиринтах разума. Меня окружают воспоминания о временах не столь отдаленных, но исполненных крови, страстей, пота и изощренных политических интриг. Из-за того, что у меня отобрали, украли в самом раннем детстве, мои самые первые в жизни воспоминания кажутся мне самыми светлыми и цельными по сравнению с тем, что было потом, – вот если бы все вернуть!

Вернуть голос матери, которой я лишилась.

Вернуть лицо отца, которого я лишилась.

Вернуть данное мне при рождении имя, которого я лишилась.

Образ бабушки ярок и светел, как восход солнца над океаном. Она стоит у истоков моей жизни. В день ее похорон я начала сознательно относиться к окружающему миру.

Какой бы яркой и светлой ни казалась мне бабушка, она умерла в самом начале моей жизни. Какой она была в мерном ходе обычных дней? Тайна окутана непроницаемым туманом. Мне нравится думать, что она присматривала за мной, пока мать работала в поле вместе с отцом. Приятно верить, что она ласково пела мне песни обо всем на свете.

Такие мысли – только догадки, не больше.

Если не считать бабушкиных похорон, из первых дней жизни я лучше всего помню Стойкого. В раннем детстве буйвол казался мне огромным, как небо. От него пахло влажной шерстью, навозом и душистой травой. Буйвол заменял собой хижину, которая будто бы следовала за отцом и всегда отбрасывала на меня тень. Бывало, я играла в его тени, время от времени отползая от солнечных лучей, если Стойкий долго стоял на одном месте. Иногда я задирала голову и разглядывала полосу у него на брюхе – посередине шерсть сходилась на складке кожи. Его белая шкура на брюхе была темной, серой, как грозовой фронт, что наползает с гор. Буйвол часто лежал в пыли и грязи.

Время от времени у буйвола бурчало в животе. Его внутренние голоса завораживали меня; я готова была бесконечно слушать их рокот. Перед тем как помочиться, Стойкий мычал, словно предупреждая меня. Тогда я выползала из-под его огромных копыт и ловила лягушек в рисовых чеках. Потом он отыскивал сухое место и снова застывал в неподвижности. Его большие карие глаза не мигая следили за мной, когда я играла на краю рисового поля, влезала на гибкие пальмы и разветвленные бугенвиллеи или подстерегала змей в вонючих канавах.

Стойкий обладал бесконечным терпением – как скала. Он всегда ждал, когда я вернусь к нему. Если он считал, что я, заигравшись, убежала слишком далеко, он фыркал и тряс головой. Клацал деревянный колокольчик, подзывая меня назад. Буйвол никогда не упускал меня из виду, если только отец не брал его с собой в поле или не уводил в деревню.

По вечерам, сидя у костра перед нашей хижинкой, я нашивала очередной колокольчик на кусок шелка под бдительным взглядом отца. К тому времени мама уже умерла, хотя самой ее смерти я не запомнила. Из стойла доносилось фырканье Стойкого. Вглядевшись во мрак, я замечала, как в карих глазах буйвола пляшут отблески костра. Они, как маяки, звали меня домой из страны грез.

Шло третье лето моей жизни. Было жарко, как почти всегда в Селистане. Вам, северянам, не понять, как можно жить под вечно палящим солнцем. В знойных странах юга дневное светило дарит не только свет, но и огонь. Его жар падает с неба как дождь, а воздух такой густой, что его можно резать ножом. Солнечное тепло всегда было со мной, как рука, что гладит по голове, делая волосы липкими от пота, а кожу – темной.

Я играла в зарослях пизанга. Красно-коричневые цветки сулили скорое появление сладких, липких плодов. Толстые стебли были моими друзьями, выросшими среди буйной зелени; они рассказывали мне тайны погоды. В детстве я хотела стать царицей воды, потому что в нашей деревне вода управляла всем. Я шлепала по канавам и мечтала о будущем волшебном царстве; ступни мои были облеплены теплой грязью.

Клацанье деревянного колокольчика разносилось по всему полю. Стойкий упорно тряс головой. Я слышала его, но еще не поняла, что случилось. Обернувшись, я увидела, что буйвол прижал уши и мотает хвостом, как будто ему досаждают слепни. Отец стоял рядом, положив одну руку на веревку, служившую уздечкой. Он беседовал с человеком, одетым очень необычно – я такой одежды никогда не видела. Незнакомец был с ног до головы закутан во что-то черное – наверное, боялся обгореть на нашем палящем солнце. Издали я увидела лишь мертвенно-белый овал лица. Сама-то я шесть дней из семи бегала вовсе без одежды, а отец носил лишь узкую набедренную повязку. Мне и в голову не приходило, что кому-то захочется прятать свое тело.

Отец окликнул меня по имени. Тысячу раз я напрягала память, надеясь вспомнить его звучание, но ничего не получалось. Я точно знаю, отец звал меня по имени, он обращался ко мне, но это слово утеряно для меня навсегда, как и голос отца.

Можете себе представить, что значит лишиться собственного имени? Не отказаться от него, как поступают представители некоторых профессий или священники, а просто потерять?

Меня уверяли, что так не бывает, что невозможно забыть имя, данное у груди матери. Скоро я объясню, как такое стало возможно, а пока просто поверьте мне: эта потеря, которая кажется многим невероятной, для меня безмерна.

Отец обернулся ко мне и приложил руки раструбом ко рту, чтобы позвать. Я знаю, что мое имя разнеслось по всей округе. Я сразу же подбежала к отцу; волосы мои развевались на ветру. Я спешила к концу моей жизни – и к началу.

Веселая, смеющаяся, дитя опаленного солнцем Селистана, я была покрыта пылью и грязью родной земли. Отец крепко держал Стойкого за веревку, а буйвол скидывал голову и недовольно фыркал.

Подойдя ближе, я поняла, что незнакомец – мужчина. Я еще никогда не видела чужестранцев, поэтому тогда решила, что, наверное, все чужестранцы – мужчины. Ростом он был выше папы. Мучнисто-белое лицо напоминало опарышей, что ползали в нашей мусорной куче. Из-под черного покрывала торчала прядь волос цвета гниющей соломы, глаза напоминали мякоть лайма.

Опустившись на колени, незнакомец крепко взял меня пальцами за подбородок и вздернул его вверх. Я вырывалась и, должно быть, ругалась – сдержанность никогда не была моей сильной стороной. Не обращая внимания на мои возражения, Опарыш несколько раз повернул мою голову вправо-влево. Затем схватил за плечо и, развернув кругом, костяшкой пальца грубо провел вдоль позвоночника.

Наконец он отпустил меня. Оскорбленная, униженная, я собиралась наброситься на него с кулаками, но почему-то не стала. Опарыш не обращал на меня внимания. Он тихо говорил о чем-то с отцом. Голос у него был какой-то невнятный, как будто слова не умещались у него во рту. Сначала они о чем-то заспорили; затем Опарыш сунул в ладонь отцу шелковый мешочек и сомкнул его пальцы.

Отец опустил передо мной на колени и поцеловал в лоб. Потом вложил мою руку в руку Опарыша, которая совсем недавно передавала ему шелковый мешочек. Отец быстро зашагал прочь, таща за собой Стойкого. Буйвол, всегда отличавшийся кротким характером, то и дело взбрыкивал и вертел головой. Он фыркал, он звал меня с собой.

– Мои колокольчики! – закричала я.

Опарыш, крепко сжав мою руку, потащил меня прочь. Так я лишилась своего шелка, расшитого колокольчиками, – как и всего остального, уготованного мне по праву рождения.

Вот мое последнее воспоминание о том времени жизни, до того, как все поменялось: белый буйвол, деревянный колокольчик и отец, навсегда отвернувшийся от меня.

Покидая дом

Вместе с Опарышем мы шли пешком почти весь день. Он крепко сжимал мою смуглую ручку в своей большой мучнисто-белой руке. Чтобы я не вырвалась и не убежала, он еще обмотал вокруг моего запястья шелковую веревку. Я поняла, что он никакой не опарыш, не личинка, а труп. Этот человек пришел в нашу деревню из страны мертвых.

Сердце у меня наполнилось радостью. Бабушка послала за мной!

Вскоре я поняла, насколько глупым было такое предположение. От Опарыша пахло солью, жиром и его хрустящим одеянием. А смерть пахнет... смертью. Да, в наших краях тщательно умащают умерших перед небесными похоронами или жертвенных животных перед заклинанием, но все, что умирает под нашим солнцем, вскоре становится самым воплощением вони.

Опарыш совсем не казался мертвым. Кроме того, он изнемогал от зноя.

Потом я стала разглядывать связавшую нас шелковую веревку. Она была яркая и сверкающая, как крылышки у жука, а такого зеленого цвета я раньше никогда не видела. Хотя многие соседки носили шелковые одежды, даже мой детский взгляд сразу опознал вещь совсем другой выделки. Нити, из которых была сплетена веревка, показались мне невозможно тонкими.

Впрочем, он мог бы и не привязывать меня к себе. Мы уже прошли мимо огромного баобаба, который до того дня обозначал конец моего мира. Дорога, по которой мы шли, была проезжей, но мы с Опарышем с таким же успехом могли бы оказаться двумя последними живыми людьми под латунным небом.

Теперь я знаю, что и у отца было имя, что его звали не просто «папа». Нашу деревню тоже называли не просто «дом». Мир огромен – пешком его не обойти за всю жизнь, а может, и за целую сотню жизней. У каждого городка, моста, поля и плотины есть имя, данное богом, женщиной, государством или традицией. В тот день я знала одно: если я развернусь кругом и побегу, то скоро увижу старый баобаб и услышу цоканье деревянного колокольчика. Скоро доберусь до своего тюфячка в хижине, до своего куска шелка и до отцовского костра.

Несмотря на то что мы отошли совсем недалеко от дома, вокруг нас все изменилось. Рисовые поля закончились. Я не видела ровных, залитых водой квадратов, в которых водятся лягушки и змеи. Вместо них стояли изгороди, отделяющие один клочок каменистого луга от другого. На столбах висели линялые молельные флаги, почти выцветшие от ветра и солнца. Иногда нам встречались тощие, горбатые животные со впалыми боками; они провожали нас взглядами. В их глазах не было света, не горели искры мудрости, жившие в лучистых карих глазах Стойкого.

Даже деревья стали другими: тонкие, с пыльными листьями. Больше я не видела пышных зарослей пизангов, как дома. Я вывернула шею и дернула за шелковую петлю. Мне захотелось домой. Я посмотрела на длинную извилистую дорогу, по которой мы поднимались.

Внизу сверкнула широкая извилистая лента, блестящая серебром и похожая на ласковые материнские руки. Вдали на много фарлонгов серебряную ленту окружали поля, сады и рощи. Кое-где виднелись грубые хижины; чернели пятна кострищ у кузниц. Я подумала: может, это вода?

Опарыш замедлил шаг, потому что я не попевала за ним и то и дело спотыкалась.

– Что ты видишь? – с трудом, запинаясь, спросил он, как будто только учился говорить.

«Рисовые поля, фруктовые деревья и терпеливых буйволов, – подумала я. – Дом». Вслух же сказала другое, потому что успела его возненавидеть:

– Ничего!

– Ничего, – повторил он, как будто впервые услышал такое слово. – Все правильно! Сегодня ты покидаешь эти края и больше никогда их не увидишь.

– Эта дорога ведет не к небесным похоронам!

Видимо, он не нашелся с ответом, потому что посмотрел на меня как-то странно. Потом он взял меня за плечо и больно развернул в другую сторону. К будущему.

Мы шли до самого конца дня; время от времени мы небольшими глотками пили воду из его кожаной фляги. Дорога, по которой мы шли, стала узкой и каменистой. Даже изгороди закончились; вокруг простиралась ничейная или заброшенная земля. Торчали темные, грубые валуны. Некоторые были такими большими, что дорога делала петлю, огибая их. Даже растительность была здесь бурой и пыльной. Если дома глаз радовали яркие цветы и плоды, то здешние растения выставляли напоказ колючие шипы. Все время громко и назойливо жужжали насекомые; иногда они затихали, услышав резкий крик какой-то невидимой хищной птицы.

Тени, которые падали от немногочисленных деревьев, стали длиннее; да и самих деревьев стало чуть больше. Я то и дело спотыкалась от усталости. Вскоре я поняла, что подъем закончился и мы спускаемся под гору.

Вдали, у подножия горы, с которой мы спускались, простиралась серая равнина, которая уходила далеко во мрак.

– Это море, – сказал Опарыш. – Слышала когда-нибудь о море?

– Что такое море? Камень?

Он засмеялся. На миг мне показалось, что я расслышала его подлинную сущность, которую он прятал под черной материей и невнятными словами.

– Нет. Море – это вода. Вся вода, какая только есть на свете.

Его слова напугали меня. Одно дело – канава, и совсем другое – вода, способная залить целое рисовое поле.

– Почему мы идем туда?

– Мы проверяем, насколько ты сильная.

– Нет, нет. Зачем нам нужно в воду?

– Море – следующий шаг на твоём жизненном пути.

Безмерность его слов потрясла меня. Я видела, что дальний край воды теряется вдали.

– Я не могу так далеко проплыть!

Опарыш снова засмеялся.

– Идем! Скоро будет дом, где мы поедим. Я расскажу тебе о... – Он нахмурился, видимо забыв нужное слово. – О водяных домах, – сказал он наконец со смущенным видом.

Хоть я и была мала, я прекрасно понимала: никто не строит дома из воды. Либо Опарыш – идиот, что казалось маловероятным, либо он плохо знает наши слова.

– Я хочу есть, – вежливо ответила я.

– Пошли, – ответил он.

В тот вечер в придорожной харчевне мы ели густую похлебку. Теперь я понимаю, что харчевня была маленькой и убогой, особенно по сравнению с тем, к чему привык купивший меня Опарыш. И все же он не случайно остановился там. Харчевня во многом напоминала хижину моего отца – глинобитные стены с балками, на которые настелили соломенную крышу. Правда, под крышей оказалось просторнее, чем в нашей хижине; в харчевне умещалось четыре стола, и еще оставалось место для костра поварики и ее черного железного котла.

Я никогда еще не видела такого большого здания.

Мы сели на скамью у одного из столов. Кроме нас, в харчевне были и другие путники. Все они с любопытством глазели на Опарыша. Хотя никто не произносил ни слова, я даже тогда понимала, что он внушает тревогу и что его побаиваются. Опарыш отвязал меня. Теперь я уже не могу сказать, зачем он это сделал: то ли для того, чтобы легче было есть, то ли чтобы не было так заметно его ремесло.

Перед нами поставили мелкие глиняные миски. Я стала разглядывать миску, стоящую чуть наискосок, и увидела на ее выпуклом боку узор из ящериц и цветов. Они словно догоняли друг друга. Откуда взялись ящерицы – понятно; они наверняка водились во множестве в сухом и жарком краю. А вот цветы напомнили мне родную деревню. Рядом с харчевней никаких цветов не было, только колючки и камни.

Темно-коричневая масса в миске оказалась почти горькой на вкус. Она была приготовлена из каких-то мелких блестящих орехов. Вместо привычного риса в похлебке плавали зерна. Кроме зерен, я увидела листья и кусочки белого мяса. На вкус оно напоминало лягушку из канавы.

– Рыба. – Опарыш улыбнулся, отчего его мучнисто-белое лицо стало жутковатым. – Всегда приятно наполнить живот в конце дня!

– Рыба, – вежливо повторила я, жалея, что под рукой нет пизанга.

Не доев похлебку до конца, он отодвинул миску. На дне, в коричневой лужице, плавал темно-зеленый лист мальвы.

– Я узнал нужное слово у хозяйки харчевни, – с затаенной гордостью сказал мне Опарыш. – Водный дом называется «лодка»! Видишь этот лист мальвы? Он похож на лодку.

– В твоём море растут мальвы?

Опарыш вздохнул:

– Я пытаюсь объяснить, почему тебе не придется плавать.

– Я никогда не плаваю за мальвами. – Я ткнула в лист пальцем. – Клубни таро гораздо вкуснее!

– Дерево может плавать, – сказал он.

– Я тоже.

– Мы отправимся на деревянной лодке, которая плывет по морю, как лист мальвы в похлебке.

– По-моему, ты говорил, что море сделано из воды.

Опарыш вскинул руки и что-то буркнул, глядя в грубый потолок харчевни. Потом покопсился на меня и сказал:

– Когда ты заговоришь по-петрейски, тебя будут бояться.

Тогда я еще не сознавала, что не все люди на свете говорят на одном языке.

– Мой отец тоже будет говорить по-петрейски?

Тень набежала на глаза Опарыша.

– Нет, – сдавленно ответил он. – Нам пора идти. До порта еще несколько часов ходьбы.

Следом за Опарышем я шагала по дороге, а ночь делалась все темнее. Ноги у меня заплетались. Особенно трудно приходилось, когда дорога круто поворачивала или вилась по краю канавы.

Опарыш все шел и шел. Поднялся вечерний ветерок, и от моего спутника уже не так противно пахло. В ноздри мне ударили прежде неведомые запахи соли и гниющих водорослей.

Я решила, что пора возвращаться домой. Споткнувшись в очередной раз, я упала. Зелёная веревка соскользнула с его запястья. Я вскочила и во всю прыть понеслась прочь.

Опарыш оказался проворнее, чем я думала. Через несколько шагов он нагнал меня и подхватил на руки. Я ляглась и вопила. Высвободив одну руку, он с силой ударил меня по губам.

– Не убегай от меня! – Его голос стал каменным, тяжелым и неумолимым. – Твой путь определен. Ты можешь идти только со мной. Назад дороги нет.

– Я иду домой! – кричала я, слизывая кровь с губ.

– Ты идешь дальше. – Он печально улыбнулся. – Ты... – Некоторое время он подыскивал нужное слово, но вскоре сдался и сказал: – Ты боец. Ты сильна телом и духом. Большинство девочек попытались бы убежать в самом начале или упали бы позже и разревелись.

– Я не хочу драться. Я хочу домой.

Он по-прежнему держал меня очень крепко. Вместе мы обернулись, оглянулись на дорогу.

– Как по-твоему, далеко ли ты уйдешь в этой огромной стране камней и колючек? Если бы я не взял с собой воду, что бы ты пила?

Я подумала: «Я бы слизывала пот со своих рук», – но его удар стал для меня резким, тяжелым уроком, и я прикусила язык.

– Ладно, я пойду к твоему морю, – проворчала я. – Но потом вернусь домой.

– Ты пойдешь к моему морю, – подтвердил он и больше ничего не добавил.

Когда мы добрались до постоялого двора, было уже поздно. Усталость одержала над мной верх. Последний отрезок пути я, как мешок, висела на плече Опарыша. Земля под луной блестела, как будто на нее упали серебряные слезы. Я еще подумала: может, и я сейчас так же сверкаю?

Как я поняла гораздо позже, Опарыш заранее снял маленький номер. Пройдя через огромную кухню, мы поднялись по лестнице в комнату со скошенной крышей. Посередине стояло сооружение вроде клетки, сколоченное из прутьев и планок. Кроме клетки, в комнате были кровать и круглый стол. Врезанное в крышу окно плотно закрывали ставни.

Не успела я сообразить, что он задумал, как Опарыш втолкнул меня в клетку и запер дверцу.

– Сиди здесь, – велел он. – Никуда не убегай. Я должен кое-что сделать, потом буду спать.

Я выла, вопила, билась о прутья, кричала во все горло, но никто меня не слышал. На столе горела свеча. За столом сидел Опарыш и тыкал узкой палочкой в стопку бумаги между двумя кожаными листами. Время от времени он поднимал голову и улыбался мне – самодовольно и радостно.

В тот вечер я не пришила к своему шелку колокольчик. У меня не было ни шелка, ни иглы. Тогда я поняла, что для Опарыша я все равно что звереныш. Он посадил меня в клетку, а потом повезет по воде, где растут мальвы, повезет по серому морю в страну мертвых, которую он называет своей родиной.

Я плакала до тех пор, пока меня не одолел сон, хотя его свеча мерцала, а палочка царапала и царапала бумагу. Во сне я тоже слышала царапанье и видела шелудивого волка, бледного как смерть, с разинутой пастью. Волк куда-то волок меня по наполненной лягушками канаве шириной в целый свет.

Меня разбудили непонятные слова. Опарыш распахнул дверцу клетки. В руке его была тарелка с жареным тестом и незнакомыми желтыми фруктами. Он снова открыл рот, из которого полились непонятные звуки.

– Ты говоришь на языке демонов, – сказала я.

– Совсем скоро я буду говорить с тобой только на языке твоей новой родины, – ответил он знакомыми словами, – кроме случаев крайней нужды. – Он потряс передо мной тарелкой и повторил то, что говорил прежде.

Я не хотела выходить, боясь его тяжелой руки, но меня предал голод. Тесто вкусно пахло, а фрукты казались сладкими. С бурчащим от голода животом я выползла из клетки.

– Ешь! – велел он. – Потом мы пойдем искать нашу лодку.

На вкус тесто оказалось таким же приятным, как и на запах. И фрукты тоже – сочные, кислые и вместе с тем сладкие. Таким вкусным завтраком отец меня никогда не кормил.

Поев, я подняла голову и увидела, что Опарыш держит в руках толстый кожаный мешок. Он протянул мне руку; зеленая шелковая веревка уже была обмотана вокруг запястья.

Я могла бы снова попытаться вырваться. Наверное, так и следовало поступить. Не знаю, что бы из этого вышло. Судя по моему характеру, в тот день я начала сопротивляться, да так с тех пор и не прекращаю. В тот день любопытство победило гнев, и я добровольно подала ему руку. Вкусной еды и усталости хватило, чтобы сломить мой молодой дух и подчинить его желанию Опарыша.

– Пошли! – сказал он. – Посмотрим нашу лодку.

– Мне не придется плыть?

– Нет, тебе не придется плыть. Мы будем сидеть, пlying по морю. – Он добавил что-то на своем языке. Конечно, тогда я ничего не поняла.

Мы вышли на яркий солнечный свет и очутились на грязной деревенской улице. Такой большой деревни я в жизни не видела. По пути к воде мы проходили мимо шумных людей, лошадей, собак и телег, которые тащили буйволы. Я даже слышала цоканье деревянных колокольчиков, но ни один не звучал так, как колокольчик Стойкого. Никто не окликнул меня, не позвал домой. Станный бледный человек-личинка, человек-опарыш тащил меня вперед по тропе, которую он для меня избрал.

Следом за ним я шла к своему будущему.

Память – штука любопытная. Хотя в ту пору я была совсем мала, я отчетливо помню самые первые наши разговоры. В силу необходимости они велись на моем родном языке, потому что тогда я еще не говорила по-петрейски. Помню даже, как Федеро – и до чего же он тогда был молод! – подыскивал слова, которых не знал, например «лодка». В те первые дни я тоже не знала, что такое лодка. В памяти сохранилась только суть наших бесед, без подробностей, поэтому, когда я вспоминаю те дни, они пронизаны языком моего порабощения, а не языком моей родины.

То же самое с первым кораблем. Я отлично помню, как он назывался, – «Бег фортуны» – потому что эти петрейские слова я выучила одними из первых. Спустя много лет я заглянула в судовые книги в Медных Холмах и узнала, что «Бег фортуны» был паровой баркентиной с металлическим корпусом. Его построили на берегах Солнечного моря; у тамошних правителей имелись литейные заводы, на которых производили такие корабли. Более поздние знания вплелись в мою память, и теперь я знаю, как все было устроено на «Бегах фортуны», хотя в то время мачты и паруса наверняка казались мне странными деревьями, а тайна пара вообще превосходила мое понимание.

«Бег фортуны» запомнился мне белобоким, блестящим от волн. Стая чаек кружит над кормой, издавая протяжные крики. По палубе снуют матросы; они подчиняются свисткам и каким-то непонятым приказам. Корабль стройный и красивый, из узкой трубы идет светлый дым. Вот он – дом на воде, боевой конь, который доставит добычу охотника в замок, где ее разделают и поджарят.

Должно быть, корабль казался мне белым зданием с деревьями на крыше, потому что я не могла представить себе ничего другого. Теперь, отлично сознавая мощь корабля и его назначение, я уже не могу думать о корабле, увезшем меня в плен, как думала тогда, в детстве, когда я еще ничего не понимала.

Совершенно не помню, как мы попали с берега на палубу. Должно быть, переправились в шлюпке. Не знаю, отвез ли нас местный лодочник, которому платили серебром за доставку пассажиров, или за нами прислали шлюпку с корабля.

На палубе стояли какие-то ящики и тюки; кроме того, я видела канаты и лебедки. Мы подошли к борту и стали смотреть на берег. Между нами и землей была полоса воды – настоя-

щая река, шире, чем все канавы на отцовских полях, вместе взятые. Я попыталась представить, сколько рисовых полей можно залить водой из этого моря, которое так далеко от моего дома.

Водная пустыня казалась чужой и незнакомой, как если бы небо вдруг упало прямо на землю. Более привычным был берег. Дома и амбары издали казались такими маленькими! Здешние постройки были глинобитными, как и папина хижина, только местные жители красили свои дома в светлые цвета. И рисовали на некоторых узоры: цветы, колеса света, ящериц и что-то совсем незнакомое. За городом вздымались горы; куда-то вдаль убегала единственная дорога, по которой мы пришли накануне.

– Ты далеко меня завел, чтобы испытать мою силу! – сказала я.

Опарыш хмыкнул, не потрудившись ответить словами.

Вот как далеко я зашла! Я могла бы пройти столько же и назад. Я смотрела на прибрежный городок. Земля там была пыльной, бурой. Вскоре Опарыш осторожно тронул меня за плечо. Я обернулась, и мы направились к домику посреди скопления людей, снастки и грузов.

– Сюда, – сказал он, когда мы вошли в небольшую комнатку. – Здесь останемся. – Потом он что-то добавил по-петрейски.

Первым делом я заметила, что пол в комнатке деревянный, а не земляной. Внутри было очень красиво; свет проникал из круглого окошка, в которое было вставлено стекло. В комнатке стояли две кровати – как мне показалось, очень большие; таких больших я в жизни не видела. Стол и стул были привинчены к полу. С потолка свисала на цепи застекленная масляная лампа.

Посреди комнаты никакой клетки не было.

Никогда еще мне не доводилось бывать в таком просторном помещении. Не общем, как та комната, где мы провели предыдущую ночь, но предназначенном для одного человека и его нужд. Точнее, для одного мужчины с девочкой.

Железный поручень в изножии кровати на ощупь оказался твердым и холодным. Краску наносили много раз, слой за слоем.

– Что мы здесь делаем?

Опарыш что-то ответил по-петрейски.

Я круто развернулась к нему и закричала во весь голос, чувствуя, как меня унижают:

– Что мы здесь делаем?!

Опарыш улыбнулся невеселой улыбкой и снова ответил по-петрейски. Затем он добавил на моем языке:

– Мы поплывем через Штормовое море в Медные Холмы.

Я решила покапризничать, воспользовавшись тем, что еще мала:

– Не хочу в Медные Холмы! Хочу домой!

Опарыш перестал улыбаться.

– Теперь твой дом – Медные Холмы.

Я задумалась. Мы не взяли с собой мой шелк с тысячей колокольчиков.

– Папа будет там? А Стойкий?

– Там твой новый дом, – сказал Опарыш и снова разразился звуками на чужом языке.

Ложь! Сплошная ложь! Он обманул папу; он обманул меня. Стойкий пытался меня предупредить, но я послушала отца и пошла с обманщиком и предателем...

Неужели отец тоже меня обманул?

Я решила вернуться домой и расспросить его. Надо только улучшить мгновение и улизнуть. Я забралась на одну из кроватей и стала внимательно следить за Опарышем.

Он тоже следил за мной, но скоро ему наскучило это занятие, и он уселся за стол. Достал из шкатулки свои бумаги и снова принялся царапать. Время от времени он косился на меня, но не слишком внимательно. Был полностью занят подсчетами.

Пол заскрипел, как дерево в грозу, хотя в круглом окошке я видела голубое небо. Да и матросы снаружи как будто совсем не беспокоились. Корабль покачнулся – как Стойкий, когда укладывался спать. Внизу что-то заворчал и беспокойно заерзло. Может, у них там громадный буйвол, который тащит их по морю?

Мне было все равно. Скоро я отсюда сбегу. Правда, я не совсем представляла, как нырну и долго не буду дышать...

Игра окончена.

Я выждала, пока мой тюремщик начал клевать носом. Он все реже взглядывал на меня, а я тем временем изучала задвижку на двери нашего домика. Большой блестящий рычаг находился под ручкой, за которую, очевидно, надо было дергать. Во всяком случае, войдя, Опарыш взялся за ручку и закрыл за собой дверь.

Хотя в нашей хижине ни дверей, ни запоров не было, в загонах для скота имелись загородки. И дверь каюты ничем от нее не отличалась. Я поняла, что ошиблась, решив, будто здесь нет клетки. Она есть, только больше, и прутьев не видно.

После того как Опарыш в очередной раз взглянул на меня и снова уткнулся в бумаги, я поняла: пора. Я спрыгнула с кровати, схватилась за ручку, широко распахнула дверь и, пригнувшись, бросилась к борту, проворно ныряя под ноги матросам. Они, видимо, не ждали от меня такой прыти. На палубе было еще многолюднее, чем раньше; повсюду лежали свернутые канаты, а большие куски материи поднялись вверх и хлопали на ветру.

Матросы что-то кричали, но до борта оказалось совсем недалеко – шагов двенадцать. Никто меня не ждал. Никто за мной не следил.

Далеко ли мы отплыли от берега?

Перемахнув через борт, я вдруг поняла, что никакой земли не видно. Ну и что? Вода есть вода. Я могу плыть не хуже, чем дома, в канаве. Вот только здешняя «канавка» шириной с целый мир. Как добраться до другого берега?

Я очутилась в море. Вода оказалась холоднее, чем я думала; я сразу набрала ее полный рот, и меня словно ожгло. Вода была соленая, как пот Земли. Подо мной все было темным и серым. Я ничего не видела.

Меня вынесло на поверхность, и я поплыла прочь от корабля.

Оттуда послышались крики. Я перевернулась на спину и, не переставая плыть, посмотрела на корабль. Злые мужчины стояли вдоль борта; все тыкали в меня пальцами и что-то кричали. Я улыбнулась, радуясь их замешательству. Вдруг один замахнулся большим копьём.

Серебристая вспышка понеслась ко мне. Я закричала; копьё пролетело у меня над головой. Я снова повернулась на живот и едва не ушла под воду.

Сначала мне показалось, что это конец. Вряд ли в том возрасте я понимала, что такое смерть, но я знала, что люди умирают, а умерев, больше не возвращаются.

Передо мной появилась громадная голова; она разверзла ужасную пасть и лягнула тремя рядами острых клыков. Чудище показалось мне воплощением голода, который рыщет в море. Я видела его темное горло, которое могло проглотить меня целиком. Я застыла от ужасного смрада – от чудища несло кровью и грязью.

Копьё угодило чудищу прямо в пасть, пронзив небо. Море взорвалось синими искрами, такими яркими, что я зажмурилась. Потом кто-то пронзительно вскрикнул – как будто рожаящая женщина.

Пасть захлопнулась с громким всплеском. Чудовище скрылось под водой; исчезла шершавая серая голова размером больше Стойкого. Довольно долго – хотя, наверное, время измерялось всего двумя ударами сердца – на меня смотрел черный глаз, окруженный такой же мучнисто-белой плотью, как кожа Опарыша, и уже остекленевший. Хотя этому черному глазу недоставало мудрости карих глаз Стойкого и даже простой искры жизни, какая теплится в гла-

зах самых маленьких птичек, я почувствовала, что морское чудовище унесло мое имя на дно морское и похоронило его в своем холодном сердце, полном ненависти.

Я забарахталась в воде, забила руками и ногами. Сердце мое застыло и стало таким же холодным, как вода, в которую я бросилась. Мертвоглазое чудовище чуть не проглотило меня! Хуже того, вблизи не было никакой земли, как бы далеко я ни заплывала. Корабль у меня за спиной закричал и застонал; слышались крики. Люди развернули корабль, чтобы вытащить меня из воды.

Дома в воде водились только змеи, лягушки и черепахи с острыми как ножи клювами. В море водились громадные звери, готовые сожрать меня целиком. Мне бросили веревку и я с радостью ухватилась за нее.

Соленые слезы у меня на лице смывало соленой морской водой. Меня подняли на палубу. И я устремилась в место заточения, теперь по собственной воле. Тогда я поняла: если я поступлю так в третий раз, то буду потеряна для себя навсегда.

Федеро вернул мне грифельную доску.

– Девочка, напиши-ка эти буквы еще раз! – велел он мне по-петрейски.

Несмотря на то что я сопротивлялась, чужой язык пропитывал меня, как краска – материю. По-петрейски говорили многие матросы и офицеры. Федеро теперь обращался ко мне почти исключительно по-петрейски. Называл он меня «девочка» – на такое обращение откликнется полмира!

– Я уже сто раз писала твои буквы, – ответила я и обругала его на родном языке: – Змей!

Он с силой шлепнул меня ладонью по голове. Было больно, но уже не так, как раньше. Я не заплакала. Я вообще старалась не плакать, особенно там, где меня могли слышать Федеро или моряки, – а они были на корабле повсюду.

– Значит, напишешь еще сто раз. – Он наклонился ко мне. – В том мире, где ты скоро окажешься, без букв ты ничто. Иногда в вежливых записках, которые передают друг другу сильные мира сего, заключены жизнь и смерть.

Ох уж эти слова! Дома, с отцом, мне не нужно было учиться писать. О существовании букв я и не подозревала. Ты говоришь, тебя слушают – или не слушают.

Оказывается, буквами тоже можно разговаривать, причем так, что услышать тебя могут когда угодно. Все равно что стоять на перекрестке и без конца повторять одно и то же, только не нужно напрягать голос. Закорючки на бумаге были странными, совсем не похожими на звуки – скорее уж на наклонные деревья, на спотыкающихся пьяниц, на куриные следы.

– Кто их только придумал?

Он снова ударил меня.

– Говори на моем языке!

Я сжала мел в кулаке и попробовала задать вопрос на чужом языке:

– Кто... их придумал?

– Имени я не знаю, девочка. Не знаю. Подобно огню, буквы людям дали боги. – Федеро криво улыбнулся. – Некоторые считают, что это одно и то же...

У меня на родине богов не было – во всяком случае, настоящих. За нами следили только мертвецы да еще тульпы, которые ходят в пыли и в облаках, а лица прячут в ряби на поверхности воды.

Если у меня и был бог, то только Стойкий. Но Стойкий был живой, как я, а боги представлялись мне мысленными образами... Похожими в чем-то на буквы.

– А если боги заключены в буквах?

Федеро открыл рот, потом закрыл и снова открыл, но ничего не сказал. Он тяжело опустился на койку.

– Дитя, твой разум – драгоценность! – Он вздохнул. – Держи его в тайне! Искрам твоих мыслей будут завидовать... Попомни мои слова! – Он погрозил мне пальцем. – Притворяйся дурочкой, и проживешь жизнь счастливо!

Мне не хотелось отвлекаться.

– А что такое боги?

– Боги... – Он снова замолчал, собираясь с мыслями.

Я давно заметила, что со мной Федеро разговаривает особенно осторожно. Я решила узнать все, что таится во мраке между проблесками речи.

– Они существуют на самом деле, они реальны. В одних местах они реальнее, чем в других. В Медных Холмах... наших богов давно не замечают.

– Они умерли?

– Нет. Но их нельзя назвать и живыми.

– Как деревья, – заметила я. – Их срубили, чтобы построить наш корабль. Теперь дерево двигается, как живое, а не лежит мертвое на земле.

Федеро рассмеялся:

– Только мы в Медных Холмах нечасто вспоминаем о наших богах! Правитель занимает души своих подданных другим... – Подавшись вперед, он устремил на меня свой самый пристальный взгляд: – И все-таки, моя милая, ты должна написать для меня еще несколько букв!

Бежать я не могла. Да и некуда бежать на корабле среди моря. И потом, я поняла, что молчать и дуться не имеет смысла. Опарыш, видимо, понял, что я перевернулась. Шли дни, и он все меньше казался мне Опарышем и все больше – человеком. Он говорил, я слушала. Я спрашивала, он отвечал.

С каждым днем его слова все глубже и глубже проникали в меня. Когда я научилась довольно сносно говорить по-петрейски, Федеро отказывался отвечать, если я обращалась к нему на своем родном языке. За его словами скрывалось множество мыслей; мне казалось, что ими можно набить целый амбар, или рисовое поле, или канаву с лягушками. Я чувствовала себя виноватой, потому что начала находить удовольствие в своем плену.

Питалась я гораздо лучше, чем дома. Я спала на простынях – о них дома и не слышали. Мне дали несколько холщовых рубах, которые закрывали мое тело от плеч до коленей. Впервые в жизни меня окутывал не один только солнечный свет. Я узнала, что такое мыло! Не знаю, какой бог подарил мыло людям-опарышам, но он совершил настоящее благодеяние. До своего пленения я не представляла, что такое быть совершенно чистой. У меня на родине людей чисто мыли всего два раза: после рождения и после смерти. Промежуток проходил в пыли и грязи.

Когда Федеро не считал, не писал и не учил меня, он читал мне. Ящичек с простыми детскими книгами он просмотрел и отверг, а для меня сам подбирал тексты, посвященные торговле, географии, паровой тяге, обработке металлов. Я почти ничего не понимала, но старательно собирала урожай новых слов и засыпала его вопросами, на которые он старался отвечать как можно подробнее.

Больше всего я любила карты. Впервые осознав, что картинка на листе тонкого пергамента – все равно что земля и море вокруг, я как будто уменьшилась многократно и заставила себя пролезть в крошечную шкатулку. Как только я поняла, как все устроено, у меня появилась возможность путешествовать, не вставая с кровати.

Федеро показывал мне далекие края. Он рассказал о канале, соединяющем наше Штормовое море с Солнечным; на скалистых берегах этого канала расположен город Шафранная Башня. На севере высятся величественные Ледяные горы... Он говорил о давно исчезнувших царствах, от которых остались одни развалины и каменоломни. Оказывается, весь мир, от скалы до ручья, можно изобразить на бумаге! Я старательно разглядывала все, что он мне показывал, а потом поняла, что не вижу ни старой, ни новой родины.

- Почему ты не покажешь мне Медные Холмы?
Федеро плотно сжал губы и ответил:
– Мне запретили.
– Для чего запретили?
– Не «для чего», а «почему».
– Почему? – «Какая глупость!» – прошептала я на родном языке и громко продолжала:
– Почему я не могу увидеть мой новый дом?
– Ты должна попасть туда неиспорченной.
– Ты сказал, что берешь меня в Медные Холмы, но не сказал зачем! – Я задрожала, вспомнив безмятежный взгляд Стойкого. В Медных Холмах для меня не будет колокольчиков – ни на моем шелку, ни на буйволе!
– Из тебя воспитают знатную даму. Ты будешь учиться каждый миг. А теперь помолчи, и я еще кое-что тебе расскажу.

Через несколько дней пути, когда мы с Федеро привыкли к путешествию, я выпросила у парусного мастера обрывок ткани. Он дал мне кусок поплина, в который заворачивают паруса, и две старых иглы – почти тупые. Я спрятала свою добычу под матрас и стала соображать, где взять колокольчики. Нитки я выдергивала из простыни и каждый день в плену пришивала на материю по узелку. Я дала себе слово, когда смогу, добавить к ним колокольчики и возместить ту тысячу, что была на моем первом куске шелка. Вначале колокольчики для меня пришивали бабушка и мама, затем я стала пришивать их сама.

Каким бы обходительным ни притворялся Федеро, я понимала: если он узнает про колокольчики, он отберет у меня мое сокровище.

Как только стало ясно, что я больше не прыгну за борт, мне разрешили гулять по палубе. Каждый день в течение нескольких часов я была предоставлена сама себе. Бродила по кораблю, наблюдала, как матросы несут вахту, и искала мелочь, способную заменить мои крошечные колокольчики.

Матросы относились ко мне без враждебности. Были такие, кто хмурились или мерили меня долгим, холодным взглядом, но многие просто улыбались и показывали, чем они занимаются. Плавание наше проходило легко; против обыкновения, мы обошли без штормов, как я узнала позже. Огромный паровой котел в середине корабля делал почти всю работу за людей. Капитан приказывал ставить паруса, чтобы поймать ветер и увеличить скорость судна.

На корабле было много всего интересного. В загончиках держали уток; иногда их выводили погулять на корму. Канатный мастер сращивал тросы или плел пеньку. Свободные от вахты матросы перекладывали грузы по приказу старшины-рулевого – во время маневра или просто чтобы не сидеть сложа руки. Орудийные расчеты прочищали стволы пушек. Правда, при мне из них ни разу не стреляли. Я даже гадала, не служат ли пушки только для красоты. Иногда матросы выходили порыбачить и гарпунили крупную рыбу. Корабельный плотник чинил брасы. Кузнец выковывал крючья. Ничто не ускользало от моего внимательного взгляда.

Именно у кузнеца я присмотрела хорошую замену моим колокольчикам. Они не должны были звенеть – иначе Федеро сразу все поймет и отберет у меня мое сокровище. У кузнеца имелись гвозди, стружка и прочий мелкий хлам.

– Я люблю играть в войну солдатиками, – сообщила я ему после того, как он три дня терпел мое присутствие в кузнице.

Он был сильный – как и вообще все кузнецы. Его светлые от природы волосы почти всегда были темными от пота; с обветренного лица смотрели ярко-синие, как драгоценные камни, глаза.

– И кто побеждает, малышка?

– На войне не бывает победителей, – важно ответила я. – Те, кому везет, теряют меньше, чем другие.

Кузнец широко улыбнулся:

– Теперь понятно, почему наш щеголь так к тебе привязался!

Слово «щеголь» было новым для меня. Я отложила его на потом. Даже тогда я понимала: не стоит спрашивать Федеро, почему кузнец так назвал его.

– Он добрый, – солгала я. – Только в солдатики не играет.

Кузнец снова улыбнулся и ударил молотом по цепи: он чинил крепление салинга.

– Можно я возьму несколько солдатиков? – попросила я наконец. Говоря, я смотрела ему в глаза – я поняла, что заморские бледнокожие люди очень ценят прямоту.

Кузнец перестал работать и, не положив молота, вытер пот со лба.

– Малышка, нет у меня отливок для игрушечных солдатиков. И ни у кого здесь ты ничего такого не найдешь – разве что у господ пассажиров. Может, кто из них и играет по ночам в солдатиков у себя на койке. – Кузнец фыркнул. Тогда я еще не понимала, что он имеет в виду.

– Мне подойдут и стружки или гвоздики, – быстро сказала я. – Я наделаю из них целое войско! – Слово «войско» я услышала от Федеро; накануне вечером он читал мне длинное стихотворение о битве. Его послушать, получалось, битва – это состязание, у кого форма красивее.

– Такого добра у меня целый мешок. – Кузнец долго смотрел на меня; в его обычно сонных глазах мелькнула искорка. – Скажи-ка, малышка, ведь ты не станешь заряжать ими пушку и не вонзишь лошади под копыто?

– Нет, – тихо ответила я.

Он нагнулся ниже, по-прежнему сжимая молот в руке.

– Хочешь железо – получишь железо.

Позже я украла у помощника корабельного плотника плоскогубцы; ими я гнула гвозди и стружку. Согнутые кусочки металла я нашивала на поплин; так я нашла замену оставшемуся дома сокровищу. Я старалась шить очень быстро, когда знала, что Федеро ужинает с капитаном, или поздно ночью, когда он начинал дышать мерно и ровно. Бывало, корабельный колокол отбивал склянки, а я притворялась, будто это Стойкий наблюдает за мной, а ворчание пара в трюме – дыхание, идущее из мощных легких буйвола.

Так я отмеряла дни своего плавания по спокойным, освещенным солнцем водам Штормового моря и узнавала все, чему учил меня Федеро. По ночам я колола себе пальцы и вспоминала о доме, который уже тогда казался бесконечно тусклым и далеким.

Когда вдали показался Каменный Берег, мы уложили свои пожитки. Точнее, Федеро укладывал свои пожитки, а я помогала ему чем могла. У меня самой не было ничего, кроме выданных им холщовых рубах да куса поплина, спрятанного под койкой вместе с гвоздями и стружкой.

Я все время думала, как пронести это добро на берег. Мне пришло в голову только одно: как-то сунуть свои сокровища в багаж Федеро, а позже, если удастся, незаметно вынуть. В тот день он пристально следил за мной. Наверное, боялся, что я снова брошусь в море. Но я-то понимала, что это бесполезно – как мне пешком вернуться домой из Медных Холмов? И все равно Федеро мне не доверял.

В конце концов, когда он отвернулся, я кое-как зачихала поплин под рубашку, но материя так выпирала, что пришлось срочно ее вынимать. Я бросила сверток под койку, но Федеро услышал лязг металла.

– Что там у тебя? – спросил он своим тягучим, ласковым голосом, и я поняла: он знает, что я задумала что-то такое, чего он не одобряет.

– Ничего... просто игрушка. – Как было написано в одной книге, которую он мне читал, «ложь, стоящая ближе всего к правде, все равно ложь». – Я обернула в материю маленьких металлических солдатиков – для игры.

Странное выражение мелькнуло у него на лице.

– Девочка, я ни разу не видел, чтобы ты играла!

– Я играю, только когда тебя нет, – скромно ответила я.

Федеро нагнулся и заглянул под койку. Ужасно хотелось лягнуть его в шею или между ног, но я сдержалась. Что толку? Бежать я все равно не смогу. Во всяком случае, пока не научусь переплывать океан.

– Ну-ка, посмотрим. – Он вытащил из-под койки сверток. Поплин развернулся, оттуда посыпались плоскогубцы, иглы, нитки и кусочки металла. Федеро встряхнул ткань. Она не зазвенела, потому что настоящих колокольчиков не было, но пришитые кусочки металла звякнули. – Ага!

Я выдержала его долгий, неспешный взгляд.

– За твоё упрямство следовало бы избить тебя до синяков, – сказал он наконец. – И скорить тебе пригоршню металлической стружки... Но ты не дурочка, тебя не запугаешь и не сломишь... – Он снова свернул материю со всеми моими запасами. – Послушай меня, девочка. И заруби себе на носу. Забудь о своем шелке, расшитом колокольчиками. Там, куда ты скоро попадешь, любое упоминание о твоих родных местах считается очень серьезным преступлением. Твоя тропа ведет вперед, а не назад.

Внутри меня, как цветы после весеннего ливня, росло желание сопротивляться.

– Мои ноги эту тропу не выбирали!

– Да, не выбирали, – с грустью согласился он. – И все же эта тропа – твоя. Ты уже ничего не изменишь. Если будешь бороться, наживешь синяки и шрамы, а потом сломаешься, и тебя отшвырнут в сторону, потому что ты окажешься непригодна для той задачи, которую тебе предстоит решить. Но у тебя есть и другой выход: стремиться вперед, победить всех соперников и получить главный приз.

– Какой еще приз? – прошипела я.

– Жизнь, здоровье, безопасность. – Он ухватил меня пальцами за подбородок и, прищурившись, посмотрел прямо в глаза, как будто передавал что-то мысленно. – Право снова самой выбирать за себя.

Федеро выпустил меня, а мой сверток сунул под мышку.

– Об этом мы никогда не говорили. Больше я не вспомню о нашем разговоре. Лучше всего будет, если и ты тоже о нем не вспомнишь. Забудь о нем – как и о колокольчиках.

Он вышел из каюты, подошел к борту и, даже не оглянувшись (я следила за ним с порога), швырнул в воду мою слабую попытку протеста.

Хотя тогда я еще толком не понимала, о чем он, я догадалась, что он сказал мне слишком много. Взрослые почти всегда говорят то, чего дети не понимают. Я стараюсь сама не повторять такой ошибки... В тот же день я расценила его действия как очередную подлость в долгой череде подлостей.

Тогда я дала себе слово, что не позволю ему снова сломить меня.

– Иди сюда! – позвал Федеро. – Посмотри на свой новый дом.

Я медленно, нога за ногу, побрела к нему.

Свои колокольчики я потеряла, но на «Бегах фортуны» имелись собственные колокола. Они громко зазвонили, когда корабль вошел в порт; в воздухе развевались флажки, похожие на молитвенные флаги. Колокола, прикрепленные к маленьким плавучим платформам, тоже звонили, покачиваясь на волнах. Им отвечали другие колокола на берегу и на кораблях.

Медные Холмы словно издевались надо мной, напоминая своим бесконечным звоном о том, чего я лишилась. Я снова возненавидела безбожный город и его жителей с мертво-белой кожей.

Город оказался больше, чем тысяча деревушек у меня на родине. И людей здесь было множество – мне казалось, что столько на всем свете нет. Здания оказались выше, чем похоронные платформы у меня дома – а выше этих колонн у нас нет ничего, ведь нужно поднять душу как можно ближе к небесной свободе. Город раскинулся на берегу во все стороны; чтобы дойти до его границ, нужно было не меньше часа идти на восток или на запад.

«Бег фортуны» направлялся к пристани. На западе, у подножия горы, я заметила старую, полуразрушенную стену. С другой стороны тускло блестели крыши высоких зданий; они были выложены листами металла, давшего городу свое имя.

Несмотря на мою досаду, город меня заморозил.

– Там Храмовый квартал, – сказал Федеро, проследив за направлением моего взгляда. – Дома, оставленные богами, хотя их пороги еще выметают священники.

– А там портовые склады. – Я ткнула пальцем в высокие строения на берегу. – Там владельцы пристаней и перевозчики обделывают свои дела.

– В самом деле!

Я различила в его голосе веселые нотки. Во время путешествия я научилась угадывать его настроение.

После шумных криков и свистков «Бег фортуны» наконец причалил, и нас окружила портовая суета. У меня на родине «Бег фортуны» казался мне огромным, но здесь он был всего лишь одним из многих. Паровые двигатели, правда, имелись не у всех судов, но в то время я еще не знала, что такое двигатель. Над всеми кораблями возвышались мачты.

Когда мы подошли к причалу, пришвартовались и стали готовиться к разгрузке, к борту подступила целая толпа зевак, торговцев и таможенников. Народу в той толпе было больше, чем я видела за всю свою короткую жизнь. Люди казались особенно живыми и шумными на фоне каменных домов с медными крышами. Они стояли плечом к плечу, что-то выкрикивали и размахивали разноцветными лентами или полосками бумаги. Я подумала: «Наверное, каждая из них что-то значит». Наверное, все они нанимались на работу или предлагали какие-то услуги.

Легче оказалось сосредоточиться на их действиях, чем на внешности. Вспомнив, как я спрашивала Федеро, не ждут ли нас папа и Стойкий, я испытала презрение к себе самой, хотя была еще очень мала. Буйвол послужил бы ужином для восьмидесяти человек, а папа наверняка затерялся бы в толпе, как сорняк среди рисовых побегов.

После таких мыслей я почувствовала себя очень виноватой. Теперь-то я знаю, что Федеро продолжал отбирать у меня и сознание, и самопонимание, переделывая меня в ходе нашего путешествия. Замысел его был непоколебим, безошибочен и точен. Тогда же я понимала одно: он хочет, чтобы я все время чувствовала себя в чем-то виноватой, но в чем – я тогда толком не знала.

Федеро крепко держал меня за руку. Наверное, он все же не столько боялся, что я сбегу, сколько опасался за мою безопасность. Шум вокруг стоял ужасный. Офицеры, чтобы добиться порядка, пускали в ход стеки и кортики, иначе на «Бег фортуны» хлынула бы целая толпа. Тем не менее в их действиях чувствовалась скорее игра, чем бравада, как будто от докеров заранее ждали натиска, а от команды – сопротивления. Вот такой мы наблюдали своеобразный танец с участием пятисот человек, грузоподъемных кранов и упрямых мулов.

Федеро наклонился и прокричал мне на ухо слова, которые я не разобрала из-за шума. Но кивнула, как будто все поняла. Он немного ослабил хватку.

Вскоре суматоха пошла на убыль. Вернее, она то убывала, то прибывала, как прилив и отлив. Все крики были рассчитаны на определенных слушателей. Каждый человек, стоящий на

палубе, знал, кто ему нужен. Матросы быстро убрали паруса, открыли люки, ведущие в грузовые трюмы, с моряками произвели расчет, и они дружной толпой отправились в увольнение, позвякивая монетами. Вскоре Федеро разглядел человека, который ждал его в толпе.

– Пошли! – закричал он.

Нас окружали матросы, которые несли багаж Федеро. С помощью их мускулов и кулаков мы протолкались в толпе к повозке с высокими бортами, которая ждала на мостовой у выхода из порта. Борты оказались темно-красными, блестящими, с золотыми полосками; на дверце был нарисован черный узор. Огромные колеса дополняли картину; вокруг ободов шли металлические полосы. В повозку были впряжены два огромных черных зверя с бешеными глазами. Они мотали грациозными шеями, размахивали хвостами и топали ногами под бдительным взглядом человека, сидящего на высокой скамеечке впереди.

Федеро открыл дверцу и втокнул меня внутрь. Затем, захлопнув дверцу, он стал громко распоряжаться, куда поместить его багаж. Свет проникал внутрь через несколько окошек, но карета была такой высокой, что я видела лишь крыши, небо да кружащих в нем птиц. Я осторожно потрогала кожаную скамью; мне в жизни не доводилось сидеть на таком мягком сиденье. Спинка была утыкана маленькими пуговками; они снова, словно в насмешку, напомнили мне о колокольчиках, которых я лишилась уже дважды. До возвращения Федеро я дергала пуговицы и нюхала масло, которыми кто-то натер обивку, – пахло лимоном с примесью чего-то незнакомого.

Сев в карету, он крепко сжал мне руку:

– Мы почти на месте, девочка.

– У меня есть имя, – обиделась я. Наверное, тогда я его еще помнила.

Голос у него посуровел.

– Нет у тебя имени. Во всяком случае, здесь. Оно ушло вместе с колокольчиками. Вперед, только вперед!

Как будто в ответ на его слова карета дернулась и покатила вперед. Я слышала, как кучер хлещет хлыстом, свищет и бьет черных зверей. Время от времени он злобно ругал прохожих. Хотя сиденье было мягким, меня трясло больше, чем на борту «Бега фортуны» даже на самых больших волнах. Хотя Федеро рассказал мне о булыжниках, я никогда до того часа не видела мощеной улицы. Поездка прошла ужасно.

Глядя на уплывающие назад крыши домов, я думала: может, все-таки стоило броситься в море?

Подскакивая на камнях, мы проехали мимо расписных колонн и блестящих крыш. Однажды мы проехали мимо дерева из меди и латуни, нависавшего над дорогой. Я знала: если встать на колени и выглянуть в окно, я наверняка увижу настоящие чудеса. Позже я очень жалела, что не рассмотрела улиц, по которым мы ехали. Во время самой поездки мне хотелось одного: вернуться домой.

* * *

Карета въехала в широкие ворота, затем еще в одни ворота, поуже, и, наконец, со скрипом остановилась. Выглянув в окошко, я увидела, что нас со всех сторон окружают стены. Напротив, словно скрепляя стены, высилось большое здание. Стены и само здание были сложены из серо-голубого песчаника – такого камня я еще никогда не видела. В этих стенах спокойно уместилась бы вся моя родная деревушка.

Федеро стукнул по дверце кулаком, и ее тут же распахнули снаружи.

Я поняла, что изнутри выйти из кареты нельзя. Меня снова посадили в клетку!

Федеро вышел первым и помог мне спуститься. Кучер, открывший нам дверцу, осторожно взбирался на свою скамеечку. Его глаза были завязаны шелковой тряпицей – на пристани лицо его еще не было закрыто.

Повязка очень озадачила меня.

Напротив высокого здания находилось приземистое двухэтажное строение. Вдоль всего второго этажа шла галерея; из-за нее на первом этаже всегда была тень. Столбы, на которых держалась галерея, увивал цветущий виноград. Крышу, устланную листьями меди, поддерживали серо-голубые каменные стены. Посреди мощеного дворика на кучке камней росло гранатовое деревце. Это единственное одинокое деревце почему-то напомнило мне дом.

Федеро присел на корточки, и наши лица оказались вровень.

– Отныне ты будешь жить среди женщин. Ты оставила мир ради того, чтобы жить здесь. Из всех мужчин ты будешь разговаривать только со мной, да еще с самим Управляющим, когда он придет с тобой повидаться. Думай головой, малышка.

– У меня есть имя, – снова прошептала я на родном языке, вспоминая колокольчик Стойкого.

Он взерошил мне волосы:

– Нет у тебя имени, пока тебе его не даст Управляющий.

Мой Опарыш снова сел в карету и захлопнул за собой дверцу. Кучер склонил голову, как будто к чему-то прислушивался, потом очень медленно обогнул гранатовое деревце и выехал в узкие ворота, которые сразу закрыли за ним невидимые руки.

Хотя вокруг никого не было, до меня донесся чей-то хриплый смех.

– Я здесь! – крикнула я на своем родном языке. Потом повторила то же самое на языке Федеро.

Через какое-то время с крыльца под галереей вразвалочку спустилась женщина. Ростом она была ненамного выше меня, зато толстая, как домашняя утка. Сходство с уткой усиливали и вытянутые в трубочку губы. Женщина была с головой закутана в грубую черную материю.

– Значит, ты – новенькая, – сказала она (естественно, на языке Федеро). – Больше у меня не будет...

Остального я не поняла. Когда я попыталась спросить, что она имеет в виду, женщина-утка с силой ударила меня по уху. Тогда я поняла: она хотела, чтобы я больше никогда не говорила на родном языке. Как и предупреждал меня Федеро.

Я решила научиться ее языку так хорошо, чтобы в конце концов женщина-утка больше не смела мною помыкать. Стараясь не плакать, я думала: «Я оденусь в колокольчики и покину это место, держа в руках собственную жизнь».

– Меня зовут госпожа Тирей. – Вблизи она уже не так напоминала утку. Выпяченные губы придавали ей вечно недовольное выражение, а маленькие глазки были расставлены так широко, что казалось, вот-вот окажутся на висках. Свой черный плащ она носила гордо, словно почетное одеяние. Никогда не видела ее в платье других цветов, кроме черного. Свои жидкие волосы она зачесала назад, вплела в них какие-то нити, чтобы казались гуще, и покрасила в черный цвет; они напомнили мне сапоги старшего боцмана.

Передо мной была женщина, которая притворялась тенью, которая притворялась женщиной.

Госпожа Тирей стала ходить вокруг меня, то отступая на шаг, то приближаясь. Когда я скосила глаза, чтобы понаблюдать за ней, она больно ухватила меня за подбородок и дернула его вперед.

– Девочка, не двигайся просто так, без всякой цели!

Я уже понимала, что спорить с этой старой уродливой теткой не стоит.

Она склонилась ниже:

– Цели у тебя нет, девочка, кроме той, какую укажет тебе Управляющий... или я по его поручению! – Дыхание у нее было зловонным; я уловила запах северных трав, которые добавляли в пищу на «Бега фортуны». Те травы, правда, были вяжущими, но не острыми и странно хрустящими. От нее же пахло чем-то кислым.

Женщина-утка продолжала кружить вокруг меня. Я вижу это, как и многое в те дни, через призму более позднего восприятия. В тот первый год я доходила ей до талии, хотя к тому времени, как наши с ней счеты были покончены, я могла, не задирая головы, разглядеть пробор в ее крашенных волосах. В воспоминаниях я почему-то вижу себя сразу и большой, и маленькой: маленькой испуганной девочкой, которую Федеро увел с родных полей, и озлобленной, испуганной девушкой, которая покидает свою тюрьму за серо-голубыми стенами, унося под ногтями кусочки кожи мертвой женщины.

Госпоже Тирей суждено было стать моей первой жертвой – хотя к тому времени я должна была соображать куда лучше. Наверное, я охотно убила бы ее при первой же встрече – такой гнев она во мне возбуждала. Многолетнее общение покрыло детский гнев пленкой достойной, вполне заслуженной ненависти.

Не помню, чтобы я когда-нибудь грубила ей. Федеро вполне доступно разъяснил мне, что словами можно ранить. Кроме того, вначале я была еще слишком мала, и мой язык не был таким острым. Я стояла неподвижно, а госпожа Тирей все кружила и кружила по двору. Ее зловонное дыхание изливалось на меня, как выдохи парового двигателя, спрятанного в трюме «Бега фортуны». На лбу у нее блестели капли пота, как дождь на жернове.

Мы не сдвинулись с того места, где меня оставил Федеро. Кроме нас двоих, во дворе никого не было. Я еще довольно долго не догадывалась о том, что за нами постоянно наблюдают. Я видела перед собой лишь холодные, высокие стены да чахлое гранатовое деревце, которое иногда заслонялось фигурой женщины-утки.

Неожиданно госпожа Тирей достала из своего складчатого одеяния сверкающее лезвие. Я вздрогнула. Видимо, она ждала этого – и снова вlepила мне затрещину.

– Скоро я уже не смогу оставлять на тебе следы, девочка, но сегодня поучу тебя как следует... И даже после иногда буду учить тебя. Ты... не... должна... шевелиться!

Женщина-утка остановилась у меня за спиной. Я вздрогнула, не зная, что она собирается делать со своим лезвием. Вряд ли Федеро вез меня за океан только для того, чтобы меня прирезали, как жертвенного козленка. Вдруг лезвие щелкнуло, разрезав бретельку на моем левом плече, и сорочка соскользнула вниз. Еще один взмах рукой, еще один щелчок – и она разрежала правую бретельку. Сорочка упала на землю.

Так я впервые познакомилась с ножницами, и они меня испугали. Неприятно было и мерзнуть гольшом под северным неярким солнцем. Госпожа Тирей начала ощупывать мне спину, плечи, бедра. Немилосердно толкая и тыча в меня кулаком, она отрывисто приказывала:

– Вытяни вперед правую руку! Держи, не опускай!

– Покажи зубы. Шире рот, девочка!

– Наклонись... Дотронься до земли. Ладонями!

Осмотр был безболезненным, но тщательным. Наконец женщина-утка снова встала передо мной.

– Не думаю, что молодой щеголь заглядывал тебе в кишечник.

– Он не... – заговорила я, но она снова отвесила мне затрещину:

– Когда я захочу, чтобы ты ответила, я назову тебя «девочка».

Даже тогда я еще помнила слово, бывшее моим именем. Я невольно ответила на родном языке:

– У меня есть...

От удара голова у меня зазвенела.

– Девочка, всякий раз, как я услышу от тебя хоть слово на твоём грязном, собачьем языке, ты будешь десять минут стоять с горячими угольями во рту!

Я кивнула; слезы жгли мне глаза.

Слова, все сводилось к словам. Федеро подчинил отца своей воле с помощью слов задолго до того, как вручил ему мешочек с монетами – выкупом за меня. Северные люди продолжали переделывать меня словами.

Ничего, думала я, когда-нибудь я овладею всеми их словами!

Госпожа Тирей поволокла меня на крыльцо под галереей и велела встать у столба. Сама она куда-то ушла, но вскоре вернулась с половником, в котором лежали горячие угли. Запихивая их в рот, я давилась и кашляла, но молчала. Про себя я решила, что больше не дам ей повода бить меня. Судя по всему, женщине-утке очень нравится поднимать на меня руку. Так вот, я не доставлю ей такого удовольствия!

Я плакала молча; грудь разрывало от кашля, который я пыталась подавить. Я не сводила с нее глаз, и сердце мое закрылось.

Спустя какое-то время женщина-утка подтолкнула ко мне пустое ведро.

– Выплюнь! – приказала она. – Смотри, не испачкай мой пол своей грязной слюной, деревенщина! – После того как я выполнила приказ, давась и задыхаясь, она протянула мне кружечку тепловатой воды и приказала прополоскать рот.

Тогда я еще подумала: интересно, а ее саму когда-нибудь заставляли держать во рту горячие угли? Ее избивали за произнесенное слово?

– Думаю, мы с тобой поняли друг друга, – объявила госпожа Тирей. – Итак, ты находишься на Гранатовом дворе при доме Управляющего. – Тогда эти названия казались мне лишь странными словами; не сразу разгадала я их истинный смысл. – Как заведено, ты – единственная кандидатка, которая живет здесь. Твой мир ограничен стенами. Ты не увидишь никого, за исключением тех, кого я буду к тебе приводить, не будешь разговаривать ни с кем, если я предварительно тебя с ними не познакомлю. Ты принадлежишь мне и своим наставницам до тех пор, пока Управляющий не отдаст другого приказа. – Госпожа Тирей скорчила презрительную гримасу: – Грязная маленькая иностранка! Сомневаюсь, что тебе повезет!

Она ткнула пальцем в ведро и кружку:

– Сейчас я покажу тебе, где их вымыть. Потом проведу по всем комнатам твоего мира. Ты понимаешь меня, девочка?

– Да, госпожа Тирей, – ответила я вежливо, чтобы не оскорбить ее, но вместе с тем и не униженно.

Потом мы попали на кухню Гранатового двора.

Гораздо позже я поняла, что все дворы при доме Управляющего названы по растущим в них деревьям. В нескольких случаях дворы назывались в честь деревьев, которые когда-то там росли. И Гранатовый, и Персиковый, и Кленовый дворы, в сущности, были очень похожи. Можно сказать, что меня поселили на особом предприятии, где медленно и бережно выращивали и воспитывали женщин определенного рода. Процессом воспитания управляли безжалостные мегеры, которые с удовольствием выискивали в кандидатках погрешности и отбраковывали их, словно треснутые чашки.

Первый этаж строения в Гранатовом дворе оказался весьма простым в плане. Крайней с восточной стороны была кухня. В ней поместились бы несколько папиных хижин. На кухне стояли плиты трех размеров, два больших очага и множество очажков поменьше. На столах лежали огромные куски обработанного дерева, отполированного камня и странной пористой глины. С крючьев на потолке и на стенах свисали кастрюли, горшки и прочая кухонная утварь самых причудливых форм и размеров; на полу стояли мешки с зерном, кореньями и разными

продуктами. В тазах мыли и полоскали посуду. Был на кухне даже огромный ларь, наполовину заполненный льдом.

Недоставало только ножей. Еще на «Беге фортуны» я побывала на камбузе и поняла, что ни один повар не готовит пищу без острого ножа. Может, здешние повара готовят с помощью каких-то неизвестных приспособлений или постоянно носят свои ножи с собой?

Хотя госпожа Тирей дала мне вволю насмотреться, я ни о чем ее не спрашивала. В конце концов, она ведь со мной не заговаривала.

Некоторые уроки усвоить не так трудно.

Рядом с кухней находилась столовая. Длинный стол, отполированный до блеска, напомнил мне карету Федеро. У стола стояли высокие и тонкие стулья, по виду такие хрупкие, что и меня бы не выдержали, не только взрослых. В то время как стены кухни были облицованы кирпичом и огнеупорной плиткой, стены в столовой были обтянуты материей цвета светлого янтаря с золотыми проблесками. Столовую расписала чья-то искусная рука. Я увидела множество птичек размером не больше моего ногтя; несмотря на крошечные размеры, птички были выписаны во всех подробностях. На место глаз кто-то вставил зеленые камешки размером меньше кунжутного семечка.

Крошечные птички большими стаями вились вокруг деревьев, которые я приняла за ивы. Все листики и веточки деревьев также были прорисованы очень тщательно. Между деревьями бежал ручей, извиваясь над низкими шкафчиками, которыми были уставлены стены столовой. В прозрачной воде сновали пестрые рыбки, росли камыши и цветы.

Теперь я понимаю, что столовую много лет подряд расписывал какой-то художник, приговоренный к такой участи волей Управляющего. В первый день рисунки показались мне такими живыми, что захотелось в них войти.

Да, меня так и подмывало броситься к стене и войти в нее. Нарисованные птички казались красивыми и свободными. С первых дней жизни в Медных Холмах я сознавала: когда-нибудь я отсюда уйду. А птички останутся тут навечно. Они заперты. Пусть они бессмертны, но неподвижны на обтянутой тканью стене.

Госпожа Тирей толкнула меня вперед. Красивую столовую пришлось покинуть почти сразу.

Центральная комната первого этажа выходила во внутренний двор. В плохую погоду можно было задвинуть потайные панели, но в остальное время низкие сиденья и мягкие скамьи не были защищены от шума и ветра. В этой комнате также имелся очаг. Вдоль одной стены стояли рамы; на полочках лежали орудия для различных ремесел. У другой стены на полке лежали свитки, стояли книги и переплетенные стопы пергамента и парчи. Посередине стеллажа открывалась дверь.

По-прежнему не произнося ни слова, госпожа Тирей вела меня все дальше.

В последней комнате на первом этаже не было окон, как в столовой. Стены здесь были обиты материей погрубее. Полы устлала плотные соломенные маты. Мебели никакой не было, кроме низкой деревянной скамьи, которую, похоже, бросили здесь случайно. Комната показалась мне странной; она разительно отличалась от остальных.

– Наружу, девочка! – буркнула госпожа Тирей.

Я поспешно бросилась вперед, чтобы не попасть под удар ее кулака, но она схватила меня за голые плечи и задержала:

– Не прыгай – это неприлично!

Я хотела ответить, но прикусила язык. Мы вышли на крыльцо и очутились в тени под колоннами, подпиравшими галерею второго этажа.

Госпожа Тирей развернула меня к себе лицом, по-прежнему больно сжимая мое плечо.

– В комнаты первого этажа тебе можно входить только во время уроков! Внизу с тобой все время будет какая-нибудь наставница. Ты не имеешь права спускаться, чтобы потрениро-

ваться, или поискать забытый платок, или под любым другим предлогом, который придет в твою тупую башку! – Она ткнула пальцем в другое крыло напротив пустой комнаты: – Сейчас мы поднимемся наверх. Там ты будешь спать, мыться и принимать пищу, если только не будет занятий внизу!

Я молча смотрела на нее круглыми глазами.

– Девочка, ты хочешь о чем-то спросить?

– Нет, спасибо, – сказала я. Никаких вопросов! Возможно, она протягивала мне руку, но я ее оттолкнула.

Госпожа Тирей меня не ударила. Я подумала: «Значит, не такая она всесильная!» Свое открытие я занесла в тайный список, уже формирующийся в глубине моего сознания.

Комнаты верхнего этажа выглядели попроще, хотя все равно были красивыми и хорошо обставленными; в папиной хижине такого и представить было нельзя. Ни номер Федеро в трактире, ни наша каюта на «Беге фортуны» не могли сравниться со здешним простым удобством и искусным мастерством.

Снаружи шла широкая галерея, на которой стояли несколько плетенных из тростника и лозы стульев и такой же стол. Все комнаты второго этажа выходили в галерею, но не соединялись между собой, как внизу.

На маленькой кухне, размещившейся над большой кухней первого этажа, все равно можно было бы накормить всех жителей моей родной деревни. Стены и пол были выложены глиняными квадратами, на которых изображались львы, пожирающие змей, которые, в свою очередь, пожирали еще одного льва, и так далее.

Посреди столовой стоял большой, но простой стол, отполированный до зеркального блеска, как и стол внизу. Деревянные стены, не обтянутые искусно расписанным шелком, были окрашены в светлые тона.

Рядом со столовой была гостиная, в которой стояли несколько деревянных стульев и маленькие столики. Очаг здесь был меньше, чем в нижней гостиной. Дальше шли две спальни: моя и госпожи Тирей. Спальня госпожи Тирей находилась рядом с лестницей. Я не сомневалась, что спит она чутко, как летучая мышь.

Двор, окруженный высокими стенами, купальни в погребе под большой кухней, двойной ряд комнат и чахлое гранатовое деревце долгое время составляли весь мой мир. И всем им управляла госпожа Тирей.

* * *

Мне выдали простые сорочки, похожие на те, что дал мне в пути Федеро. Всего сорочек было три, и мне вменялось в обязанность стирать их, чтобы они были исключительно чистыми. Пылинка на подоле, пятнышко жира на груди – и меня немилосердно драли за уши или отвечивали затрещины.

Сначала мы жили только наверху. Госпожа Тирей сняла с меня мерки, причем касалась меня гораздо бережнее, чем в первый день во дворе, когда она немилосердно толкала и тыкала меня. Она заставляла меня готовить еду – по крайней мере, пыталась. После смерти бабушки папа всегда готовил на ужин рисовую кашу. Кроме того, я была слишком мала, чтобы поддерживать огонь.

Она проверила, как я шью, и подивилась моей искусности. Мне очень пригодился навык пришивать к шелку колокольчики; я ведь управлялась с ними, сколько я себя помню. Госпоже Тирей я ни о чем не рассказывала. Правда, она ни о чем меня не спрашивала.

Кроме того, женщина-утка вкратце познакомила меня с азами наук; Федеро кое-чему обучил меня еще на корабле. Госпожа Тирей проверила, знаю ли я буквы и умею ли считать. Я старалась не выдавать истинного размера своих познаний и лишь отвечала на ее вопросы.

Хотя она придиралась ко мне и ворчала по любому поводу, да и руки распускала охотно, я находила тайное удовлетворение в том, что мои познания не вызывают неудовольствия госпожи Тирей. Чего нельзя сказать о моем вызывающем поведении. Из-за моей дерзости я получала затрешины и бесконечные нотации, утомлявшие меня до полусмерти.

Я никогда не склоняла голову достаточно низко и не отвечала достаточно быстро или не сидела достаточно тихо для нее. Госпожа Тирей всю жизнь воспитывала кандидаток. Она отлично знала, как истолковать ту или иную девичью позу или выражение лица. Так как мне велено было молчать, в те первые дни моим единственным оружием служило лишь полное послушание в сочетании с угрюмым презрением. Мы обе все прекрасно понимали, за что еще больше ненавидели друг друга.

Так начались годы моего обучения.

– Сначала мы научимся варить, – сказала мне однажды госпожа Тирей.

Я пробыла на новом месте меньше двух недель и уже начала строить планы, как раздобыть шелк и колокольчики.

Я кивнула. Она ни о чем меня не спрашивала и не давала позволения говорить.

– Вся жизнь вышла из воды, – продолжала госпожа Тирей. – Вода внутри всех нас. Ты выплевываешь воду изо рта и извергаешь ее из влагалища. Так что вначале мы будем готовить в воде, чтобы отдать должное нашей сущности и сделать нашу пищу отличной от корма для скота. – Она посмотрела на меня в упор. – Ты меня понимаешь?

Я ее понимала. Папа ведь тоже варил рис, хотя не помню слова «варить» до тех пор, пока я не начала учить петрейский язык.

– Да, госпожа Тирей.

– Что нужно для того, чтобы вскипятить воду?

– Надо разжечь огонь под горшком, госпожа. – Я поспешно добавила: – Под горшком, наполненным водой.

– Хм...

Ей хотелось услышать более развернутый ответ, но и то, что я сказала, ее вполне устроило. Спустя какое-то время госпожа Тирей продолжала:

– Позже мы поговорим о размере и форме сосудов и о том, почему одно блюдо варится так, а другое иначе.

Я снова кивнула. Федеро что-то говорил о ждущем меня пути, с которым приготовление пищи не очень-то вязалось. И все же все началось именно с готовки.

Госпожа Тирей развела огонь в маленьком металлическом очаге. После того как огонь разгорелся, она вынула из складок своего черного плаща нож и начала резать связку темно-зеленых листьев, пронизанных светло-серыми прожилками. От листьев шел сильный запах – землистый, почти тошнотворный.

– Мы режем листья шпината, чтобы они равномерно проварились. – На лице госпожи Тирей мелькнуло подобие улыбки. – Девочка, не все действия ритуальны. Иногда наша цель очень проста – например, утолить голод.

Забывшись, я возразила:

– Голод совсем не прост, госпожа.

Она ударила меня по лбу рукояткой ножа; отметина прошла лишь через много дней.

– Зато повиноваться очень просто, – сказала женщина-утка, стоя надо мной, пока я корчилась на полу, подавляя рыдания. – Кроме того, послушание – величайшая повседневная добродетель, которая доступна любой женщине. Прежде всего тебе!

Мы готовили. Мы стирали. Мы подметали пол. Мы шили. Долгое время рядом со мной никого не было, кроме госпожи Тирей. Еду приносили к воротам какие-то невидимки, и гос-

пожа Тирей ее забирала. Затем я под ее присмотром несла еду в верхнюю кухню. Нечистоты и ночные горшки выливались в трубу в дальнем конце двора, примыкающем к высокой голой стене непонятого центрального здания.

Постепенно до меня дошло, что за серо-голубыми стенами скрываются и другие дворы. Если стоять в глубине крыльца, можно увидеть верхушки еще двух деревьев. Время от времени я слышала чей-то голос; он возвышался, а затем обрывался. Я знала, что здесь должно быть много охранников и слуг, но Федеро сказал правду, предупредив, что, попав сюда, я оставила мир. Я видела только общество женщин, а из всех женщин – только общество госпожи Тирей.

Солнце тоже двигалось; оно сдвинулось южнее на том участке небосклона, который был мне открыт. Дома, если я влезала на дерево, я видела всю округу на протяжении многих фарлонгов. Вдаль уходили рисовые поля, деревни и дорога. Здесь же я видела только кусочек неба, холодные камни и воздух, у которого был другой вкус.

По мере того как солнце сдвигалось на юг, дни делались короче. Похолодало, и на гранатовом дереве появились плоды. Тогда, помимо послушания и домашнего хозяйства, меня начали учить кое-чему другому.

– Очень важно уметь выбирать то, что нужно, и всегда делать правильный выбор. – Госпожа Тирей держала в одной руке ножик – мне в то время еще не позволяли братья за острые предметы. Мы сидели на нижней кухне. Перед нами на деревянной колоде лежала дюжина гранатов. С тех пор как я сюда попала, мы впервые спустились в нижнюю кухню, и я украдкой озиралась по сторонам, замороженная полузабытыми картинами и очертаниями.

Плоды были нескольких оттенков алого цвета; одни незрелые, другие уже лопались. Попадались гранаты неправильной формы, раздутые или сплюснутые. Впрочем, были и ровные плоды.

– Который, девочка?

Я показала на плод, лежащий с краю. Он был равномерно окрашен и имел правильную форму.

– Вон тот, госпожа!

Госпожа Тирей протянула мне нож, развернув лезвием к себе. Как только деревянная ручка очутилась у меня в руке, я представила, что замахваюсь и бью ее. Пустяк, раз – и готово... Нет, ничего не выйдет. Женщина-утка увернется, а потом избыет так, что я на всю жизнь запомню.

Я не замахнулась на нее ножом, а взрезала гранат.

Изнутри высыпались белые перепонки, к которым льнули красновато-лиловые зернышки. Я аккуратно извлекала зернышки из их липких гнезд.

– Правильный выбор. Ты хорошо смотрела. Теперь положи нож и достань спелый плод из корзинки у тебя за спиной. Выбирай быстрее, пока я сосчитаю до трех.

Я оглянулась через плечо и увидела, что за деревянной колодой стоит корзина, наполненная гранатами. Сверху все плоды были незрелыми, некоторые покрывала плесень.

Я быстро сунула руку в корзину и достала твердый плод, затем поспешила положить его на стол.

Плод был нормальной окраски, зато неправильной формы – разбухший, комковатый.

– Для женского стола сойдет, – сказала госпожа Тирей, – но ты могла бы выбрать и получше.

Мне хотелось спросить, как это сделать, но она не давала мне позволения говорить.

– Пойдем во двор, к дереву.

Следом за ней я вышла во двор. Поднялся легкий ветерок, который нес приятную прохладу. Здесь я ее прежде не ощущала. Гранатовое дерево ломилось под тяжестью плодов. Несколько гранатов лежало на камнях под деревом. Значит, в корзине лежала в основном падалица. Интересно, кто ее подобрал?

– Пока я считаю до трех, выбери плод с дерева.

Я посмотрела на дерево. Перед моими глазами краснела целая сотня плодов. Я показала на оранжево-желтый плод где-то выше моего роста.

– Не опускай руку! – велела госпожа Тирей. Потом она достала откуда-то странный длинный шест с металлической корзинкой на конце. Такого я еще не видела. Иногда после ночи в нашем дворе появлялись удивительные вещи.

С помощью плодосъемника госпожа Тирей сняла мой гранат с ветки. Не знаю, как она определила, какой именно нужно снять, но, насколько я видела, она сорвала именно мой.

– Кожура лопнула, – сказала она. – Видишь? Внутри мошка. Ничего, ты у меня научишься выбирать правильно с первого раза!

Мы вернулись в дом, где она заставила меня съесть выбранный мною испорченный плод. Мучнистые зерна оказались такими горькими, что на глазах у меня выступили слезы, а мошки жалили меня в нёбо. Однако мне удалось провести наставницу: высосав сок зернышек, я украдкой выплевывала их в ладонь. Я придумала, чем заменить потерянные колокольчики!

* * *

Прошла неделя. Мы с госпожой Тирей сидели во дворе в тени нашего дерева. Было странно холодно; солнце как будто совсем не согревало землю. Мы упражнялись в искусстве выбора плодов. Я бегло оглядывала плоды. Затем госпожа Тирей надевала мне на глаза повязку, и я должна была выбрать спелый, здоровый гранат. Она снимала выбранный мною плод, и мы вместе рассматривали его.

– Вот видишь, – сказала она, – сколько могут узнать твои глаза прежде разума. Выберешь с первого раза правильно – и все пойдет как надо. Выберешь с первого раза неправильно – и беды так и будут сыпаться на твою голову! – Женщина-утка наклонилась ближе: – Не позволяй никому замечать, о чем ты думаешь. Действуй сразу, по наитию!

Ее слова перебил резкий металлический лязг, и я невольно вздрогнула. Я ни разу не слышала такого звука с тех пор, как Федеро привез меня сюда. Госпожа Тирей вскинула голову и презрительно скривилась.

– Пришла еще одна твоя наставница, – сказала она.

Сначала я обрадовалась, что избавлюсь от госпожи Тирей. Видимо, все мои чувства отразились у меня на лице. Женщина-утка прищурилась, и губы ее расплылись в злорадной улыбке – как будто где-то захлопнулась дверь. Она замахнулась, собираясь ударить меня, но потом как будто опомнилась и лишь сказала:

– Следуй за мной.

Мы подошли к черным воротам, в которые я приехала. Проем был достаточно широким, чтобы сюда проехала карета, но для одного человека открывали всего одну створку. Сбоку висел колокольчик, в который госпожа Тирей позвонила один раз. Створка ворот со скрипом открылась, и во двор вошла тощая угрюмая особа, такая же бледнокожая и остроглазая, как и все здешние люди-опарыши. На новой наставнице поверх серой юбки и серой блузы был надет темно-синий фартук.

– Девочка, – сказала госпожа Тирей, – это госпожа Леони. Она научит тебя шить.

Так мы перешли к следующему этапу моего обучения. Меня приучили сидеть на цепи. Настала пора обучать меня разным трюкам.

Вскоре после знакомства со второй наставницей меня избили по-настоящему – за то, что я перечила госпоже Леони. Голос у нее был тише и мягче, чем у госпожи Тирей, и я решила, что ей можно доверять. Тогда все люди казались мне лучше и добрее женщины-утки, которая

проявляла жестокость походя и часто впадала в ярость – впрочем, ее приступы были умело рассчитаны.

Оценив мои навыки, госпожа Леони стала учить меня различным видам стежков. Мы работали с иглами разных размеров и с разными видами ниток. Управляться с некоторыми оказалось трудно. Однажды утром я шумно вздохнула от досады.

– В чем дело, девочка?

– Эта дурацкая иголка все время выскальзывает из рук! – пожаловалась я. – Терпеть не могу шелковые нитки!

– Будешь шить такими нитками, какие я тебе даю.

– Это глупо. Ведь можно взять нитку попроще!

Госпожа Леони оглядела меня с головы до ног, затем подошла к дому и вызвала госпожу Тирей. Они недолго перешептывались, а затем госпожа Леони вернулась и с ухмылкой села на место.

Вскоре к нам подошла и госпожа Тирей. В руке она сжимала сверток материи. Сверток был толстым, как колбаса, примерно с локоть в длину.

– Сними сорочку! – приказала она.

Смутившись, я покосилась на госпожу Леони. Я еще не знала, что меня ждет, мною владела лишь стыдливость. Стыдливость тоже стала для меня новым чувством; она появилась вместе с новым языком и постоянным холодом в доме Управляющего. Север был так далек от моей родины!

Сняв рубашку, я посмотрела на нее.

– Повернись, согни ноги в коленях и обхвати их руками.

Госпожа Тирей начала бить меня своим свертком по ягодицам и бедрам. Внутри шелковая трубка оказалась набита песком. Удары были гораздо больнее, чем ее шлепки. Не удержавшись, я вскрикнула от боли. Госпожа Тирей велела мне замолчать и ударила сильнее. Всего я получила двадцать ударов, а потом женщина-утка сказала:

– Надевай сорочку и продолжай урок с госпожой Леони!

Хотя от боли я сидела с трудом, я не смела жаловаться. Взяв дрожащими пальцами иголку с ниткой, я увидела, как порозовели щеки госпожи Леони. Она выглядела... счастливой.

Так все и шло. Трубку с песком, обтянутую шелком, доставали все чаще; меня наказывали за малейшую провинность. Избивали, если я произносила хоть слово на родном языке. Если на миг опаздывала на урок или к столу. Если считали, что я проявляю неуважение. Госпожа Леони находила повод для порки не меньше двух или трех раз в неделю. Госпожа Тирей избивала меня даже за то, что я что-то забывала.

Хотя первые в жизни уроки терпения и выдержки мне дал буйвол Стойкий, госпожа Тирей буквально вдавливалась в меня свои уроки. Цоканье ее сандалий по деревянному полу заменило деревянный колокольчик папиного белого буйвола. Ее хриплое, одышливое дыхание подменило фыркание Стойкого, который звал меня прочь от опасности. Правда, сейчас моя жизнь подвергалась опасности постоянно.

Все больше холодало; близилась моя первая северная зима. Бывало, холодные дожди заряжали на несколько дней подряд. Я постоянно дрожала от холода. Госпожа Тирей куталась в шерстяной плащ, а мне не удосужилась дать даже платка. Я по-прежнему ходила в одной тонкой сорочке. На ночь в моей комнате разжигали небольшую жаровню, над которой я сушила припрятанные гранатовые зернышки, и потихоньку выкрадывала у госпожи Леони шелковые нитки.

Я мечтала раздобыть кусок материи. Надо только придумать, как отвлечь госпожу Леони.

* * *

Как-то госпожа Леони принесла на урок плоский сундук, который открывался сверху. Оттуда выдвигалось несколько ящичков, похожих на деревянные крылья. В ящичках лежали тюки материи – муслина, ситца, поплина, шелка, шерсти и других тканей. От материи душно пахло камфарой и кедром, так как сундук был из кедра. Некоторые ткани были такими пестрыми, что рядом с ними и бабочки показались бы скучными. Другие были простыми и мрачными.

– Каждая материя хороша по-своему; все виды тканей продаются на базаре, – сказала госпожа Леони.

Я никогда не была на базаре, но моя короткая биография не интересовала наставницу.

– Я научила тебя считать нити. С опытом ты сумеешь определить качество ткани даже издали. Ты знаешь о тканях не все, что нужно, но пока и этого хватит. – Она развернула примерно на локоть тонкую шерсть. – Я принесу ткацкий станок, чтобы ты видела, как делают ткань. – На лице ее появилась опасная улыбочка, и я поняла, что меня скоро будут бить. – Скажи-ка, девочка, что за шерсть у меня в руках?

Вопрос был с подвохом, потому что она еще не рассказывала мне, какие бывают виды шерсти. Но я подслушала, как она разговаривала с госпожой Тирей о материях, поэтому ответила наугад:

– Это кашемир, госпожа.

Лицо у нее вытянулось.

– А ты не дура! Осторожнее пользуйся орудием, которое находится между твоих ушей!

Раздражение ее прошло, и госпожа Леони поманила меня к себе. Я щупала ткань и слушала ее рассказ о козах особой породы, которых выращивают в Синих горах. Их шерсть невероятно тонка, и из нее прядут самую дорогую пряжу.

Заведя руку за спину, чтобы она не видела, я вытащила из ящичка кусок шелка и уронила его на пол. Госпожа Леони в тот момент разглагольствовала о козах, поглаживая кашемир, и ничего не видела.

Я тихо радовалась. Она непременно заметит, что кусок шелка упал. Но поскольку я не пыталась затолкать материю под стул или спрятать ее, она наверняка решит, что ткань упала нечаянно.

Все же зрение у нее оказалось острее, чем я думала. Аккуратно свернув кашемир, госпожа Леони велела мне встать у сундука и пошла звать госпожу Тирей с шелковой трубкой, наполненной песком.

Через час я стояла во дворе и, дрожа, смотрела, как уходит последний серый дневной свет из-под гранатового дерева. Холод позволил мне притвориться, что дрожу я не от слез. Наставницы – злобные чудовища! Я убью их, как богиня убивает демонов, а потом отправлюсь домой через море.

Правда, уже тогда я многое понимала. Федеро отнял меня у отца с помощью слов, а не щегольского дуэльного клинка. И я освобожусь от мерзких теток-опарышей словами, а не силой оружия.

Ворота распахнулись настезь, и я вздрогнула. На Гранатовый двор рысью въехал всадник. Федеро! Он появился очень кстати, как будто прочитал мои мысли.

Он заметил меня раньше, чем подъехал к зданию, и ловко соскочил с седла.

– Девочка! – Неподдельная теплота слышалась в голосе Федеро; впервые кто-то по-человечески обращался ко мне с тех пор, как я поселилась в холодной каменной тюрьме. – Как тебе здесь живется?

– Ах... – Я готова была выплеснуть на него все свои несчастья и страхи, но потом оглянулась на дом. В тени под галереей стояла госпожа Тирей. – Дождь холодный, а солнце на небе очень маленькое. – Правда, даже такие слова вполне могли сойти за жалобу.

– Глупышка! – Он нагнулся и ласково убрал с моей щеки прядь волос. – Возьми плащ, и согреешься. Солнце не слишком-то любит Медные Холмы.

Плаща мне не давали, но я знала: пока госпожа Тирей подслушивает, ни в чем признаться нельзя.

Федеро взял меня пальцами за подбородок, несколько раз наклонил мою голову туда-сюда. Затем посмотрел на мои босые ноги и голые плечи. Хотя выпороли меня очень больно, ни синяков, ни кровоподтеков трубка не оставляла. Тогда я поняла, что орудие пытки мои мучительницы выбрали не случайно. Мешок с песком должен был сломить мою волю, не уродуя.

– Чему ты научилась? – спросил он.

– Я умею готовить шпинат. И знаю одиннадцать разных стежков. – Несмотря на то что мне не хотелось хвастать, я невольно улыбнулась. – Знаю, когда нужно чистить поцарапанный стол лимонным соком, а когда – пальмовым маслом.

– Мы еще сделаем из тебя знатную даму! – Федеро широко улыбнулся, как будто мое заключение приносило ему только радость.

– Что значит «сделаем знатную даму»? – спросила я. Еще никто не объяснял, зачем я здесь.

– Всему свое время, девочка, всему свое время. – Он снова взъерошил мне волосы. – Пойду-ка побеседую с госпожой Тирей. Пожалуйста, присмотри за моей лошастью.

О лошадях я ничего не знала; только то, что они высоки, как Стойкий, но с безумными птичьими глазами на длинных, мягких мордах. Я решила присматривать за лошастью из-за граната, вдруг она взбесится. Ждать пришлось долго; заморосил холодный дождик.

Спустя какое-то время вернулся озабоченный Федеро.

– Оказывается, девочка, с тобой труднее, чем я думал, – сказал он. – Ум и гордость часто оказывают тебе плохую услугу. Эта игра – для терпеливых.

– Вы ошибаетесь. Это не игра.

– Да, – ответил он, – наверное. Тем не менее мы в нее играем. – Он склонился ко мне: – Скоро я вернусь и проверю, как тебе живется. Если тебе будет нехорошо, скажи мне.

Все шло нехорошо с тех самых пор, как этот человек увел меня от папиного буйвола и куска шелка, расшитого колокольчиками. Однако Федеро хотел услышать от меня совсем другое.

– Да, – ответила я на своем родном языке.

Он улыбнулся и вскочил в седло. С крыльца вразвалочку сошла госпожа Тирей и с мрачным видом протянула мне старый шерстяной плащ.

– Держи, девочка! – буркнула она. – Ты, наверное, замерзла.

Я стояла под усиливающимся ледяным дождем, смотрела ей вслед и думала: какими словами мне удастся ее сломить?

Мы с госпожой Леони продолжали шить одежду, но то, что мы шили, не предназначалось для меня. И вообще ни для кого.

– Девочка, как только ты выйдешь отсюда, тебе больше не придется держать в руках иглу, – сказала госпожа Леони, когда мы сшили блузу с кокеткой.

Я кивнула, найдя в ее словах утешение. Разумеется, отвечать я не имела права – как и расспрашивать ее. Меня учили всему, что должна уметь знатная дама, но уверяли, что потом мне не придется применять мои многочисленные навыки.

Бессмысленность моего обучения ставила меня в тупик. Я молчала, решив превзойти их во всем, что они делали. Решимость помогала мне подавлять гнев.

Следующее ее замечание словно отражало мои мысли:

– Знаешь, почему так должно быть?

– Мне... можно ответить, госпожа Леони? – Я решила, что меня будут бить; даже спина зачесалась.

– Да. Можешь говорить!

– Я должна всему научиться, но мне не придется зарабатывать себе на жизнь ремеслом.

– Маленькая нахалка! – Несмотря на слова, в ее голосе не слышалось злобы. – Время от времени тебя будут просить оценить ту или иную вещь, то или иное блюдо, комнату, человека. Ты должна уметь отличить платье, которое в пору правительнице Медных Холмов, от подделки, сработанной наглыми шарлатанами, которые стремятся украсть деньги. Убрано ли в комнате так хорошо, что в ней можно и бога принять, и воздать ему должные почести, или служанки поленились? Почему в супе плавают зеленые листья – для аромата или чтобы отравить знатных гостей?

– Значит, я должна овладеть многими ремеслами, чтобы оценивать работу других?

– Вот именно! – Она улыбнулась; радость за свою ученицу на миг победила стремление подавлять меня. – Если ты сумеешь с первого взгляда отличить обтачной шов от двойного выворотного, то многое сумеешь сказать о человеке, который стоит перед тобой.

– Наверное, я сразу пойму, хороший ли у него портной, или на нем лишь кое-как сработанная копия.

– Ты опять-таки будешь иметь на это право. А теперь выверни рукав и покажи, какой кусок мы сшили не так. Уверю тебя, там есть ошибка.

В ходе работы в тот один из самых приятных дней, проведенных с госпожой Леони, я сумела украсть немного шелка для своих нужд.

Несколько ночей проворочавшись без сна, я наконец придумала, как пришивать к ткани гранатовые зернышки. Петельки и узелки, которые я нашивала на поплин на «Бега фортуны», здесь не годились. Пришлось вначале проткнуть все украденные и высушенные зернышки иглой. После этого их стало можно закрепить на шелке.

Материя совсем не походила на мой шелк с колокольчиками, который остался дома. Мое одеяние совсем не звенело; только когда я складывала его зернышками внутрь, оно слегка громыхало – шепотом. И все же я радовалась, что с помощью крошечных красных зернышек могу возобновить дважды прерванный отсчет дней моей жизни.

Под балкой на одной стене я заметила небольшое углубление. Там я хранила шелк, зернышки и принадлежности для шитья. Больше у меня на Гранатовом дворе не было ничего своего. Даже мое тело мне не принадлежало. И только шелк с зернышками был моим.

Пока я втайне тосковала по прошлому, наступила зима; камни во дворе и ветки гранатового дерева накрыло холодным белым покрывалом. Ночами я сидела в кровати, прижимая к себе шелк и пробегая пальцами по гранатовым зернышкам. Я скопила их достаточно, чтобы хватило на каждый день моей жизни – по крайней мере, так мне тогда казалось. Зернышки не были колокольчиками, но я ощупывала их и вспоминала, кто я такая, помимо девочки, из которой растят знатную даму и потому обучают разным ремеслам.

Помогут ли мне мои зернышки? Отметят ли они мои дни и дадут ли моей душе путь, когда понадобится? Что бы сказала бабушка? Стойкий, наверное, не стал бы возражать против моих занятий. Отец не знал бы, что сказать – не знаю, обращал ли он внимание на женские дела.

«Вот почему он тебя продал, – нашептывал предательский голос у меня в голове. – Мальчика он бы любил и оставил себе».

Тогда я заплакала – впервые за несколько месяцев, проведенных в холодном доме, заплакала навзрыд. Не думаю, что я рыдала громко, но вскоре явилась госпожа Тирей и увидела, что я свернулась калачиком на полу в самом жалком виде.

– Девочка, – хриплым спросонок голосом спросила она, – что за материя у тебя в руках?

Госпожа Тирей вытолкала меня на заснеженный двор деревянным веретеном. Видимо, на сей раз ее не волновал мой внешний вид; она била меня до синяков и с каждым ударом все больше разъярялась.

– Я выбью из тебя эту дурь, мерзавка!

– Ни за что! – кричала я на родном языке. На моем прежнем языке.

Госпожа Тирей со всей силы ударила меня кулаком в подбородок, и я упала на снег. Рубашка моя стала липкой от пота и крови. Снежинки залетали под влажную, липнущую к коже ткань, замораживая позвоночник и ребра.

– Помяни мое слово, если еще раз затыкваешь на своем собачьем наречии, я вырву тебе язык! Управляющий продаст тебя в портовую таверну, где ты и до двадцати лет не доживешь!

Я пыталась отодвинуться, уползти. Госпожа Тирей снова замахнулась и ударила меня веретеном по коленям. Боль была ужасной.

– А сейчас ты сожжешь свой поганый шелк – здесь, на улице!

– Здесь снег... – начала было я, но госпожа Тирей влепила мне пощечину.

– Тебе не позволяли говорить! Жди меня здесь.

Она вразвалку вернулась на крыльцо, поднялась на второй этаж. Я, дрожа, сидела на снегу, глотая собственную кровь и жалея, что не могу умереть.

Вскоре женщина-утка вернулась, неся медную жаровню – такими мы в зимние холодные ночи согревали комнаты.

– Вот, – сказала она. – Порви шелк на куски и положи сюда!

Плача, я повиновалась – точнее, попыталась сделать то, что она требовала. Шелк оказался прочным. Госпожа Тирей достала из складок плаща нож и надрезала кусок материи.

Слезы выкатывались из моих глаз и тут же застывали; я бросала полоски ткани в горшок с углями. Она протянула мне склянку с маслом:

– Полей!

Я полила. Дни моей жизни горели, как будто их никогда не было. Гранатовые зернышки трескались в огне, подскакивали, унося с собой призраки того, что было моим.

Я подумала: «Может, они попадут к бабушке».

Когда огонь потух, госпожа Тирей велела мне отнести жаровню в нижнюю кухню. Хотя я держала ее толстой прихваткой, горячий металл обжигал пальцы и запястья. На кухне она натерла мои ожоги пальмовым маслом – грубо, безжалостно. Затем достала широкий, низкий горшок, в котором варили пищу на открытом огне.

Госпожа Тирей пересыпала в горшок пепел от сгоревшего шелка и обгорелые зернышки граната. Плеснула в горшок немного вина, воды. Не пожалела соли. Поставила горшок на огонь и стала помешивать варево. Вскоре оно запузырилось, закипело.

Вонь поднялась ужасная.

Варево уместилось в большую миску. Госпожа Тирей придвинула ее мне и приказала:

– Ешь!

Я с ужасом смотрела на вязкую серо-бурую массу.

– Съешь, – сказала госпожа Тирей, – и покончим с этим. Если не съешь, тебе конец.

Давясь, я глотала пепел, смешанный с солью. Я ела свое прошлое. Но дала себе зарок, что у меня еще будет будущее.

Позже, у себя в спальне, я сидела на кровати и смотрела за дверь, которую госпожа Тирей оставила приоткрытой. Мне на миг показалось, будто я вижу под заснеженным гранатом спящего буйвола. Я понимала, что это невозможно, но видение немного утешило меня.

На втором году пребывания на Гранатовом дворе у меня появились и другие наставницы. Они стали обучать меня разным наукам и ремеслам. Госпожа Тирей по-прежнему учила меня готовить. Госпожа Леони продолжала учить меня шить и разбираться в тканях. Госпожа Марга, которая была гораздо моложе двух первых наставниц, учила тщательно, по-северному, убирать комнаты и распознавать плохую работу. Госпожа Даная принесла стопки бумаги и показала мне беспокойные буквы Каменного побережья, продолжив занятия, начатые еще с Федеро на «Бегах фортуны».

Каждая наставница по очереди раскрывала передо мной тайны своего ремесла. Госпожа Марга показала, как выбирать масла для разных пород дерева, в зависимости не только от самого материала, но и от того, для чего он служит и находится ли на свету или нет. Она могла часами рассказывать о крахмальных воротничках и манжетах; по ее словам, безупречные воротнички и манжеты способны многое сказать о сути того или иного горожанина и о его положении на общественной лестнице.

Госпожа Суаликс объясняла мне тайную магию чисел, показывала, как они пляшут в строках и колонках, соединяясь и порождая новые цифры. Она говорила сдержанно и тихо; казалось, ей наплевать на дисциплину, за соблюдением которой ревностно следили другие наставницы. Для госпожи Суаликс весь мир состоял из чисел. Числа двигали корабли, монеты и обутое в сапоги ноги воинов. Вскоре она убедила в этом и меня, и мне казалось, что в столбике монет я слышу мерное дыхание всего города.

Госпожа Балнеа учила меня ухаживать за лошадьми, собаками и более редкими видами домашних животных, которых некоторые женщины делали своими любимцами. Она приносила разноцветные картинки на растянутых кусках кожи и рассказывала об экстерьере и мастях. Весной она обещала научить меня ездить верхом. Я не видела особо много смысла в том, чтобы кружить на пони по тесному двору, но наставнице ничего не сказала.

Музыке меня тоже учили – приходила госпожа Малья, тонкая, мстительная особа, по сравнению с которой госпожа Леони казалась воплощением добра. Правда, госпожа Малья не питала злобы лично ко мне, даже наоборот, но она сразу дала мне понять: для нее я – всего лишь очередное орудие. Ее цель – настроить мой голос и обучить меня петь так, как принято здесь, на севере. Кроме того, я должна была отличать спинет от клавесина. Я была еще очень мала, когда госпожа Малья начала обучать меня, и в моем голосе еще присутствовала ангельская сладость, которой обладают только дети. Она предупредила, что, когда я вырасту, голос сломается, и пригрозила сломить меня раньше времени, если я не запомню каждую ноту и не буду работать в точности по ее приказам.

– Я не боюсь Управляющего, как остальные здешние наставницы, – сухо сказала госпожа Малья. – Ты будешь либо совершенством, либо никем – я сама об этом позабочусь.

От новых наставниц я получила и кое-что хорошее. Во-первых, дни мои стали разнообразнее и оживленнее. Значит, мне приходилось проводить меньше времени с госпожой Тирей и у меня появилось больше занятий. Мир уже начинал разворачиваться передо мной – я и не представляла, что такое возможно в клетке, какую представлял собой Гранатовый двор. Потом я чувствовала себя виноватой, потому что уроки казались мне интереснее, чем охота за лягушками в канавах под вечно палящим солнцем.

А все-таки дома меня не били!

Во-вторых, поскольку новые наставницы приходили и уходили, я постепенно начала сознавать, что за этими серо-голубыми стенами тоже есть жизнь. Во дворы редко проникали посторонние звуки, а когда проникали, казались неотчетливыми и почти ничего не значили. Наставницы приходили, а потом уходили выполнять другие поручения, что означало, что у них были свои обязанности, режим; от них требовались другие вещи. Они часто останавливались поболтать друг с другом. Правда, они старательно следили, чтобы их слова не достигли моих ушей, но следили не всегда и недостаточно. По обрывкам сплетен я поняла, что в других дво-

рах дома Управляющего воспитываются и другие девочки. Все мы, кандидатки, соперничали друг с другом; каждой из нас лучше других удавались разные вещи. Одна малышка гениально готовила и разбиралась во всех специях и пряных травах, а другая замечательно преуспела в искусстве каллиграфии.

Я была еще очень мала, когда такие слова впервые задели мой слух. Они лишь укрепили мою решимость овладеть всем, чему меня обучали. Когда-нибудь я освобожусь!

Моя постель была такой большой и непривычно мягкой, что иногда я засыпала рядом с ней, на полу. Госпожа Тирей, ворча и пыхтя, уходила спать к себе в спальню, а я лежала без сна и рассказывала себе сказки на своем родном языке. Я быстро поняла, как мало я знаю слов на родном языке – гораздо меньше, чем на петрейском. О фруктах, пряностях, о шитье, о достоинствах собак я могла рассуждать только на языке моих тюремщиков с Каменного Берега.

На родном языке у меня даже не было слова для обозначения собаки. Нашим единственным животным был буйвол Стойкий; кроме того, я видела нескольких диких лесных птиц, которые рылись в земле у папиной хижины. Я могла говорить о черепахах, змеях и кусачей мошке, и все же мир, который охватывали эти слова, был так мал, что сердце мое болело.

Однажды я успешно записала очередные несколько строк из «Семнадцати жизней мегатерианцев». Госпожа Даная считала, что знатная дама всегда должна стремиться к чему-то высшему. Слова были длинными и трудными; смысла их я тогда еще не улавливала. Что может знать ребенок о переселении душ или супружеской измене? И все же за словами все отчетливее проступали звуки. Госпожа Даная вела меня через них медленно, терпеливо, шаг за шагом.

Я встала после урока. У меня переполнился мочевой пузырь, а час для помощи госпоже Тирей в верхней кухне еще не настал. Со свойственной ей жестокостью она объявила, что мы будем учиться варить супы.

К моему удивлению, госпожа Тирей ждала меня за дверью гостиной. Обычно она не любила стоять на холоде – если, конечно, не настоящая необходимость.

– Девочка, – сказала она и замолчала. Такая неуверенность также была необычной для женщины-утки. – Сейчас ты познакомишься с новой наставницей. Она... в моем расписании ее уроков не предусмотрено, но ее прислал Федеро. – Пришурившись, госпожа Тирей продолжала: – Берегись! Она не из тех, к кому легко подлизаться, как к остальным!

Мне с трудом удалось не расхохотаться. Интересно, к кому я, по мнению госпожи Тирей, подлизывалась? С чего вдруг ей в голову пришла такая нелепая мысль? Но я не расхохоталась, а кивнула и посмотрела на свои ноги, чтобы скрыть огоньки, несомненно, пляшущие у меня в глазах.

– Ты думаешь, я шучу? – Госпожа Тирей схватила меня за ухо, но тут же отпустила, хотя я уже напряглась, готовясь терпеть боль. – Нет, сейчас твои уловки не пройдут. И не вздумай показывать ей свой мерзкий характер! Не смей твякать по-своему, не смей воровать. Если захочешь, чтобы тебя побили, скажи мне, и я с тебя шкуру спущу. Но с новой наставницей шутки плохи!

Я кивнула, по-прежнему не глядя на нее. Может, новая наставница – страшная вооруженная королева? Или могущественная жрица с бельмами на глазах, которая приносит несчастье? В книгах госпожи Данаи я находила много историй о таких женщинах, необычных, внушающих ужас и обладающих тайной силой, которая оставалась не замеченной большинством мужчин.

Госпожа Тирей отвела меня вниз, в тренировочный зал. Я шла, по-прежнему понурив голову и пряча лицо. Я смотрела на свои ноги, измазанные грязью, которые стояли на соломенных циновках, которыми была устлана комната.

– Девочка, – сказала женщина-утка с дрожью в голосе, которая не укрылась от меня, – познакомься с Танцовщицей. Госпожа... вот наша девочка. Кандидатка Гранатового двора.

– Спасибо, госпожа Тирей. – Голос у Танцовщицы оказался ниже и грубее, чем у большинства женщин. Я подняла глаза и увидела высокую и стройную фигуру, покрытую серебристым мехом. За спиной у нее туда-сюда покачивался хвост. На концах широких, тупых пальцев виднелись кончики когтей.

Как страшно... Она – чудовище!

Внутри меня рождался крик. Танцовщица коснулась пальцем губ, своим простым жестом приказывая мне молчать. Ее жест оказался таким неожиданным, что я отвлеклась – на что она, видимо, и рассчитывала.

Я поняла: она не чудовище, но отличается от меня гораздо сильнее, чем бледнокожие уроженцы Каменного Берега, похожие на опарышей. Покрытые мехом острые уши были прижаты к черепу. С высокого лба смотрели прозрачные фиалковые глаза. Заостренный подбородок; рот широкий и почти человеческий, а не клыкастая треугольная звериная пасть. Чуть приплюснутый нос тоже был вполне человеческим, а не звериным.

Больше всего меня потряс покрывавший ее тело серебристый мех. Люди выглядели по-разному, могли быть разных цветов и размеров, но я еще не видела и не слышала ни об одном человеке, покрытом таким нежным и таким красивым мехом. Не видела я людей с длинными хвостами, которые мели по полу, как у Танцовщицы. В то же время она явно была женщиной. Ее грудь и бедра закрывало хлопчатобумажное одеяние – синее в мелкий цветочек.

– Я представительница древнего племени, – тихо сказала она. – Вы, люди, называете нас пардайнами. Я живу и зарабатываю себе на хлеб на Каменном Берегу. Учю танцевать и красиво двигаться девочек, женщин, а иногда – очень редко – и мужчин. Учю изяществу и равновесию. Некоторые мои ученицы умеют быстро бегать и ловко падать; эти навыки очень полезны в большом городе с большими домами, в тени которых часто таится угроза.

Я во все глаза смотрела на нее. Никому до нее не удавалось поразить меня настолько, чтобы я лишилась дара речи.

Танцовщица отошла от меня и села на деревянную скамью в тренировочном зале. Оглядевшись, я поняла, что госпожа Тирей вышла. А я даже не заметила!

– Боюсь, нам с тобой не обойтись без зеркал, – как будто с сожалением произнесла Танцовщица. – А теперь, девочка, расскажи мне о себе.

– Мне можно говорить? – спросила я, чуть не подавившись.

– Да, – кивнула Танцовщица. – Тебе можно говорить.

– Я... дочь своего народа. – Я глубоко вздохнула. Впервые с тех пор, как меня сюда привезли, я рискнула сказать правду. – Меня насильно привезли сюда, в Медные Холмы. Я должна жить среди своих поработителей и заслужить право на свободу.

Я зажмурилась, привычно ожидая крика и ударов. Ничего не последовало. Никто не бил меня, не щипал, не толкал. Подняв голову, я увидела в чуть раскосых синих глазах Танцовщицы глубокую печаль. Она раскинула руки, и я бросилась к ней в объятия. Впервые за мою недолгую жизнь кто-то отнесся ко мне по-дружески.

Хотя мне очень хотелось выплакаться, уткнувшись в ее мягкий, нежный мех, я не стала потакать своей слабости. Лишь позволила ей подержать меня – недолго, пока я не отдышалась.

– Девочка, – сказала наконец Танцовщица, – твои мысли принадлежат только тебе. Я ни в чем тебя не упрекаю. Но если ты ценишь свою жизнь и силу, которой ты надеешься когда-нибудь овладеть, держи такие слова при себе и никогда больше не произноси их в этих стенах.

Ее слова подарили мне, несчастной, лишенной всего девочке, искру надежды.

– Хорошо, госпожа! – пробормотала я, отрываясь от ее мехового плеча. – Скажи, пожалуйста, чему ты будешь меня учить?

Она как будто удивилась:

– Как чему? Конечно танцам!

Мы немного потанцевали.

Я не знала, как добыть еще кусок шелка и расшить его колокольчиками так, чтобы никто не узнал. Поэтому я начала пришивать колокольчики мысленно. Каждую ночь, перед тем как заснуть, я отсчитывала количество колокольчиков, нашитых до сегодняшнего дня. Сначала я представляла себе простые жестяные колокольчики, которые отсчитывали мою жизнь с отцом. Затем им на смену приходили металлические стружки, нашитые во время морского путешествия с Федеро. Позже появлялись гранатовые зернышки; они появились уже в Медных Холмах.

В моем воображении все они звенели, даже деревянные щепки и обломки гвоздей. Каждую ночь, пересчитав все мои колокольчики до единого и постаравшись не забыть ни одного, хотя отдельные отрезки времени приходилось восстанавливать по памяти, я мысленно пришивала к воображаемому шелку еще один колокольчик. Поскольку шила я лишь в воображении, я выбирала любые иглы – костяные, стальные, деревянные или даже иглы из слоновой кости; нитки тоже я выбирала по своему вкусу.

Важнее всего было не сбиться со счета. Недели на Гранатовом дворе текли ритмично; в одни и те же дни у меня были определенные уроки; в одни и те же дни нам привозили продукты. Календарей мы не вели. Каждый колокольчик знаменовал очередной день моей жизни... Как еще моя душа найдет дорогу домой, когда я покончу счета с жизнью?

Я никому, даже Танцовщице, даже шепотом не признавалась в том, чем занимаюсь перед сном. Я не могла признаться в своем занятии, не опасаясь тяжелого наказания, после которого я захлебнулась бы собственной кровью.

И все-таки Танцовщица стала моей самой близкой подругой в темные дни моей второй зимы на Гранатовом дворе – и в начале следующей весны, влажной и мрачной. Всего час проводила я в тренировочном зале, но там я могла хоть немного облегчить душу. Мы с Танцовщицей разучивали разные виды шагов. Она учила меня правильной походке, учила держать равновесие. Благодаря ей я стала лучше понимать собственное тело и лучше ориентироваться в пространстве. Иногда она действительно учила меня танцам, но чаще мы занимались просто движением.

– Большинство людей считает, что тела у них плоские, как будто нарисованные, – говорила Танцовщица. – Представь, что ты сделала бумажную куколку и двигаешь ее по игрушечной сцене. Но ты – не кукла. У тебя есть... объем, глубина. Ты можешь согнуть колени и локти; ты можешь выгнуться дугой.

Хотя ее слова казались вполне разумными, трудно было понять мысль, которая крылась за ними. Танцовщица дала мне скакалку – о таком занятии я и не слышала – и велела прыгать через нее. Сначала я вращала скакалку вперед, потом стала вращать ее спереди назад. Скоро я поняла, что могу прыгать, если понимаю в любой миг, где находится скакалка и где – мои ноги.

Иногда наши тренировки немного напоминали занятия с госпожой Тирей и госпожой Леони. Первая учила меня выбирать фрукты, едва взглянув на них, а вторая не уставала показывать различия между похожими на первый взгляд стежками. Я должна была видеть больше того, что открывалось даже самому поверхностному взгляду, должна была видеть то, что в самом деле казалось невидимым – например, собственную спину.

Наши занятия с Танцовщицей были странно тихими и спокойными, но вскоре я почувствовала, какую грацию они мне даруют. Я научилась подхватывать брошенный нож, прежде чем он падал на плиточный пол. Могла прыгнуть с галереи на нижнее крыльцо. Оказалось, что я еще и очень сильная. Очень сильная, как уверяла меня Танцовщица – даже сильнее многих мальчиков. Откуда мне было знать? Она обучила меня пользоваться своими преимуществами. Как-то раз – на улице немного потеплело – я быстро взобралась на самую верхушку гранатового дерева.

За тот поступок меня так сильно избили, что я два дня не могла ходить. После гос-пожа Тирей и Танцовщица даже поссорились – единственный раз на моей памяти. Потом жен-щина-утка, переваливаясь, вошла ко мне в спальню.

– Твое место здесь, – тихо сказала она. – Не заглядывай за стены, не смотри за ворота!

Забывшись, я выпалила:

– Что там такое? Чего я должна так бояться?

Госпожа Тирей притворилась, что не заметила еще одной моей оплошности.

– Там мир, который ты увидишь, когда придет время. Девочка, тебя готовят к величию. Пусть все разворачивается постепенно, тем способом, какой лучше всего знаком твоим настав-ницам.

Как и Федеро, госпожа Тирей считала, что мое пребывание на Гранатовом дворе мне только на пользу. Как они могли такое подумать?

Весна сменилась летом, а лето – осенью. На Гранатовом дворе я впервые узнала, что такое времена года. На родине были лишь вечная жара и солнце, которое лило на землю свой золотой свет. На Каменном Берегу небо было часами. Оно неспешно менялось, указывая, когда наступает время пахоты, посадок, сбора урожая, отдыха.

Разумеется, никаких сельскохозяйственных работ я не видела. Перед моими глазами круглый год было лишь гранатовое дерево, которое осенью приносило плоды. Впрочем, его зернышек меня лишили, как и колокольчиков. Сначала я еще надеялась их вернуть. Как только я научилась бегло читать, госпожа Даная стала приносить мне больше книг. Среди них зате-салась книжка, имеющая отношение к сельскому хозяйству. Она называлась «Современный трактат по коневодству». То был первый по-настоящему старинный текст, прочитанный мною. Много недель подряд я ломала голову над книгой, но понимала, наверное, лишь одно слово из пяти.

С другой стороны, я родилась в семье крестьянина. Папа и Стойкий сажали рис, собирали урожай, очищали зерна от шелухи. Мне даже было знакомо кое-что из написанного Туллием, автором старинного трактата. Вот почему пособие вызвало мой интерес. Я слышала в нем отго-лосок чего-то знакомого, смешанное со сказками о принцах, битвах, полубогах и красках мира.

Из трактата я узнала еще одно: что со временем даже человеческая речь может меняться. Оказывается, в языке тоже бывают времена года, так же как есть времена года в жизни жен-щины. Некоторое время я бормотала себе под нос слова на древнепетрейском языке, хотя отве-тить на старинный лад госпоже Тирей или другим наставницам мне не хватало духу.

Многие занятия также переместились вниз. Мы все чаще готовили в большой кухне. Там выбор посуды, утвари, пряностей и способов приготовления оказался гораздо шире, чем наверху. В нижней кухне мы с госпожой Тирей довольно часто нарушали посты. Иногда мы там же и закусывали наскоро – днем или вечером. Что еще важнее, внизу я узнавала, что можно сде-лать с едой. Первые уроки были простыми, но мне уже тогда стало ясно: если хочешь достичь совершенства в искусстве кулинарии, учиться придется всю жизнь.

Однажды мы мыли земляные груши – маленькие, сморщенные корнеплоды с багряни-стой кожурой и тонкими, как волосы, корнями.

– Эти плоды надо жарить на сильном огне или варить в кипятке не менее десяти минут, – сказала госпожа Тирей.

Я ничего никогда не записывала. Наставницы требовали, чтобы я все запоминала. От множества подробностей у меня голова шла кругом.

Я сложила вместе ладони – так я давала понять, что хочу задать вопрос по теме урока.

– Можешь говорить, девочка.

– Что будет, если съесть земляную грушу сырой или недоваренной?

Госпожа Тирей долго смотрела на меня.

– Можно сильно заболеть и даже погибнуть.

До тех пор мне и в голову не приходило, что еда может быть оружием.

– Значит, земляная груша опасна?

Госпожа Тирей отложила корнеплод в сторону и вытерла руки.

– Девочка, ты забегаешь вперед, и все же я отвечаю на твой вопрос. Опасным может быть все. Масла, на которых мы жарим, могут испортить пищеварение, если их пить, как вино. Если бы я заставила тебя набить живот солью, вскоре ты бы умерла от жажды. Если съесть хотя бы щепотку порошка, приготовленного из некоторых трав или растений, можно умереть.

– Значит, кухонное искусство похоже на все остальное, чем я занимаюсь. – Я обвела кухню рукой, в которой сжимала земляную грушу. – Дело не в том, что мне придется готовить. Просто мне нужно так хорошо овладеть кухонным искусством, чтобы сразу видеть, если кто-то захочет отравить меня солью, плохим маслом или порошком из смертоносных трав!

На лице госпожи Тирей мелькнула тень улыбки.

– Девочка, Федеро правильно выбрал тебя.

Я смотрела на земляную грушу и думала, как бы незаметно скормить ее госпоже Тирей? «Слова! – напомнила себе я. – Ты победишь ее словами».

Урок был ясен: опасным может стать что угодно, если пользоваться им определенным образом. Еда. Слова. Кусок шелка, сшитый в трубку и наполненный песком. Даже человек.

«Неужели они готовят меня к хорошей жизни? А может, меня учат разным способам убивать и умирать?»

Времена года сменяли друг друга, и мои уроки тоже менялись. Мои ноги стали длиннее. Как-то раз госпожа Балнеа привела во двор обещанную лошадь, и мы начали изучать живых лошадей вместо рисунков на пергаменте и рукописей. Моим «учебным пособием» стала старая гнедая кобыла с белой звездочкой во лбу. Она смотрела на меня пустыми глазами и вздрагивала всякий раз, как к ней прикасались – когда до нее дотрагивались пальцем или палкой. Наставница намекнула: когда-нибудь она позволит мне сесть верхом и немного покататься. Я не очень обрадовалась. Поездка верхом по тесному двору не казалась мне таким уж большим подарком. Иногда госпожа Балнеа приводила с собой не кобылу, а собак разных пород. Она объясняла, что они умеют и для чего их держат, каковы условия их содержания и как они устроены. Собаки были поживее сломленной старой кобылы, но и они казались мне пугливыми.

Так же менялись и другие занятия. Как-то ночью привезли и поставили под гранатовым деревом большой ткацкий станок; над ним натянули полотняный навес от дождя. Госпожа Леони начала учить меня другим способам ткачества. На кухню доставили свиную тушу, и мы с госпожой Тирей целых три дня разрубали ее на куски, чтобы я видела, из какой части туши получают те или иные виды мяса. Одни куски мы закоптили, другие пожарили. Большую часть пришлось выбросить.

Управляющий не жалел ни времени, ни средств на мое образование. Я постепенно начала догадываться, кого из меня готовят.

Как я и предполагала, лучшая перемена в занятиях пришла со стороны Танцовщицы. Однажды она пришла на Гранатовый двор не в свой обычный час, а после ужина. В конце дня госпожа Тирей заставляла меня читать или упражняться в каллиграфии; спать мы по ее настоянию ложились рано. Я удивилась, узнав, что ко мне пришла наставница, и обрадовалась, увидев серебристую пардайну.

– Выйдем, девочка, – сказала Танцовщица с порога.

Госпожа Тирей у нее за спиной что-то едва слышно проворчала. Судя по взглядам, которыми они обменялись, они о чем-то поспорили и госпоже Тирей пришлось уступить.

Луна отбрасывала беззаботный свет на булыжники двора. Молодые побеги гранатового дерева были серебристо-черными, а тень от него, казалось, дышит чернилами. Мы немного постояли под холодными звездами, не говоря ни слова.

Я радовалась тишине и покою. Почти постоянно моя жизнь находилась под чьим-то бдительным надзором. Как же хорошо помолчать вместе с единственной подругой!

– Ты не боишься лазать по деревьям, – начала Танцовщица. – Это меня радует.

Я сдавила ладони.

В ее голосе зазвучали печальные нотки.

– На моих уроках ты можешь говорить, когда захочется.

– Госпожа, мне очень понравилось на дереве.

– Вот и хорошо. Хочешь повторить – при луне?

– Когда дерево темное? – Интересно, удастся ли мне забраться наверх? Тогда я была еще очень мала и потому почти не боялась; я готова была залезть всюду, лишь бы мне разрешили.

– Твоя подруга, луна, многое подскажет твоим глазам.

На мне была простая сорочка, а сверху – грубый шерстяной плащ, который я соткала сама. Руки и ноги у меня были голые.

Я полезла наверх. В душе еще жили воспоминания о самом первом разе. Пальцы радостно ощупывали узловатую, корявую кору. Босые ноги уверенно нащупывали ветки. Они были разные, и я взбиралась по ним легко, как по ступенькам лестницы.

Лезть на дерево было радостью. Забираясь наверх, я вспоминала время, когда была свободной. Свободы меня лишили, когда увели от Стойкого с его деревянным колокольчиком. Федеро крепко взял меня за руку и увел. Ничего удивительного, что госпожа Тирей так решительно не одобряла лазанья по деревьям. Чем выше я поднималась, тем больше воспарял мой дух, а древняя луна казалась моей самой старой подругой.

Я лезла и думала: вот если бы гранатовое дерево оказалось очень высоким, если бы оно возвышалось над всем городом Медные Холмы, удалось бы мне с вершины разглядеть дорогу домой, к папиному костру и одышливому дыханию буйвола?

Верхние ветви были легкими и тонкими. Они раскачивались даже под моим тогда еще легким весом. Сверху я видела крышу Гранатового двора. Листы меди, которые спасали нас от дождя, тускло поблескивали при луне. По верху серовато-голубой стены шла широкая, плоская дорожка – с земли ее не было видно. Я поняла, что там ходят караульные, солдаты, и сразу вспомнила стихи о войне, которые во множестве читала мне госпожа Даная. Почему Гранатовый двор охраняют? Дальше виднелись крыши домов; я мельком видела город, который почти не успела разглядеть, когда приплыла в гавань. С тех пор меня от него спрятали.

Я посмотрела в другую сторону. Более высокая внутренняя стена нашего двора больше походила на башню. В соседних дворах – я мельком видела их несколько раз сверху – виднелись кроны других деревьев. Неожиданно я подумала: а вдруг сегодня другим девочкам тоже позволили влезть на деревья? Может, я увижу других рабынь-кандидаток, которых прячут за серо-голубыми стенами, чтобы никто не осквернил их даже взглядом?

Танцовщица не торопила меня, поэтому я спустилась вниз не сразу. Я посмотрела на навес, закрывавший ткацкий станок, на ларь, в котором хранилась лошадиная сбруя и утварь для ухода за собаками, на сторожку рядом с воротами – оттуда начинался путь к свободе.

Каким бы крохотным ни был мой здешний мир, он казался намного богаче, чем канавы с лягушками по краям папиного поля. Мой отец был крестьянином, хотя я не знала, как на моем языке будет «крестьянское хозяйство». Место, где мы жили, было просто «местом, где мы жили». Дома я не научилась бы ни читать, ни считать, ни готовить вкусные блюда из всевозможных ядов.

Если бы меня не привезли в Медные Холмы, я не была бы рабыней.

– Никто не будет мной владеть! – сказала я на своем родном языке.

Спускаться оказалось гораздо труднее, чем подниматься. Я двигалась очень осторожно и все же два раза едва не упала. Последние десять локтей до земли я пролетела, лишь чудом не ударившись о навес. И все же мне удалось приземлиться на ноги.

Танцовщица смотрела на меня в упор, хотя ее глаза были скрыты тенью.

– Что ты видела там, наверху?

Я открыла было рот, но замолчала. Вряд ли ей хотелось услышать о крытой медью крыше дома, в котором я жила. Что же я в самом деле увидела? Не подумав, я выпалила первое, что пришло мне в голову:

– Путь к свободе!

– Сохрани его в сердце. Я не могу освободить тебя отсюда, но мы вместе можем навещать свободу.

Мне очень хотелось спросить ее, как это сделать, но мне мешала выдержка, которую в меня вколотили.

– А ну-ка, пробегись по двору! Беги как можно быстрее, – приказала Танцовщица.

– Долго бегать?

– Пока я не прикажу тебе остановиться или пока у тебя не подкосятся ноги.

Когда я поднималась к себе в спальню, плечи у меня ныли, а мысли в голове путались.

* * *

После той первой ночной пробежки я с трудом передвигала ноги. И все же ночная тренировка не унизила, а обрадовала меня. Радовала даже заслуженная боль в мышцах. Мне было больно не от чьей-то жестокости. Я честно расходовала силы. Госпоже Тирей Танцовщица сказала, что я растянула мышцы, упражняясь в перекрестном шаге.

В тот день снова приехал Федеро. Он пришел пешком, а не прискакал на лошади, и показался мне каким-то усталым, опустошенным. Море истрепало и запачкало его нарядный бархатный костюм; солнце раскрасило его кожу, и он уже не казался мне опарышем. Федеро напомнил мне спелую ягоду.

Когда пришел Федеро, я занималась во дворе с госпожой Леони. Едва увидев гостя, госпожа Леони встала и пошла искать госпожу Тирей – по крайней мере, я так подумала. Федеро сел на ее маленькую мягкую скамеечку и некоторое время молча смотрел мне в глаза.

Я едва заметно улыбнулась – мне не хотелось выдавать себя.

– Как ты живешь, девочка? – спросил он наконец.

– Я учусь.

– Хорошо. – Федеро взял меня за руку. Несколько раз повернул ее туда-сюда, осмотрел запястье, пальцы, ладонь, тыльную сторону ладони. – Ты хорошо учишься?

– Одни уроки труднее, другие легче.

– Которая из наставниц нравится тебе больше всего?

На миг я позволила себе улыбнуться по-настоящему:

– Танцовщица!

Он улыбнулся в ответ:

– Хорошо!

– У меня есть вопрос. – Мне до сих пор не хватило духу спросить ее саму.

– Можешь его задать, – сухо ответил Федеро.

– Почему у всех наставниц есть имена, а у нее нет? Только название профессии... – «Да и то не совсем точное», – подумала я.

– Хороший вопрос. – Федеро слегка склонил голову, и я увидела у него под глазом красное пятно, как будто его ударили. – Она принадлежит к немногочисленному племени, которое обитает далеко отсюда. Пардаины не открывают свои имена даже друг другу. У них в обы-

чае – они называют его тропею душ – держать в тайне свою подлинную сущность. Говорят, их души так глубоко запряганы, что живут в переплетении троп других пардаинов еще долго после того, как умирает тело. – Федеро пожал плечами. – Как бы там ни обстояло дело с их душами, многие предпочитают называться по роду занятий. Иным дают имена по цвету глаз или по любимому блюду.

– У меня нет имени. – Хотя когда-то было. – Но моя сущность вовсе не скрыта. Наставницы все время следят за мной со всех сторон. Они переделывают меня постепенно, каждый день.

На моих глазах его радость улетучилась, как птица перед грозой.

– Это не урок, который можно выучить. Ты и она отличаетесь, как звезды от ламп в твоём доме.

– И звезды, и лампы освещают ночь.

Он быстро погладил меня по голове:

– Никогда не забывай, кто ты.

– Я не твоя, – ответила я на родном языке.

– Молчание – твой друг, – ответил он на том же языке.

Я смотрела ему вслед. Федеро побрел к дому, чтобы побеседовать с госпожой Тирей. Вскоре вернулась госпожа Леони, и мы продолжили занятие.

Иногда уроки бывали весьма необычными. Читая книги госпожи Данаи, я наткнулась на одну сказку, которую рассказывали по-разному. Истории о богах, которые повторялись в разных формах и переходили из книги в книгу, сами по себе служили для меня откровениями; они казались мне священными знаниями, изложенными достоверно и умело.

Первой я прочла, если можно так выразиться, мужскую историю о богинях, которые посвятили себя заботе о женщинах. Гораздо позже та же самая история стала привлекать меня совсем по-другому, но вначале меня поразила изложенная в ней картина мира.

Сказка отца

Давным-давно весь мир был садом, в котором произрастали все племена и твари. За ними ухаживали и присматривали титанобоги. Отец Солнце, первый среди них, каждый день гулял по саду и огороду и проверял, здоровы ли побеги и молодые ростки. По ночам приходила Матушка Луна; она подрезала побеги и собирала урожай.

Их третьей дочери, которую звали Страстью, позволено было играть среди деревьев, на которых росли рыбы, и лиан, на которых росли птицы. Однако ей запрещали и близко подходить ко всем созданиям, покрытым мехом или волосами.

– Твоя природа пробудит их раньше времени, – говорила Матушка Луна, когда они пировали в голубом Небесном чертоге. – Играй с холоднокровными и бездумными крылатыми, которые не ощутят твоей силы.

– Так несправедливо, – жаловалась Страсть, как всегда жалуются дети.

– Ничего справедливого на свете нет! – грохотал Отец Солнце. – Мы радуемся, если нам удастся просто установить порядок в этом мире, не говоря уже о справедливости. Твой брат Время тоже жалуется, что ему не дают играть с деревьями, на которых растут рыбы. Он бродит вдоль шпалер, на которых растут одушевленные, и тоже хнычет и требует справедливости.

Страсти хотелось заниматься именно одушевленными – двурукими, двуногими, обладателями замечательных густых запретных волос. Хотя их глаза еще не открылись и души еще не расцвели, Страсть представляла, как будет обнимать их одного за другим, прижиматься

губами к их губам, ласкать их тела. Ей хотелось тоже повиснуть на шпалере и во весь голос прокричать о своем возжелении двоюродным сестрам – звездам.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – шептал ее брат Время. – погоди, я тебе помогу.

– Все «погоди» да «погоди», – шептала в ответ Страсть. – А я хочу сейчас!

– Моя сила в течении, а не в осуществлении, – отвечал Время с улыбкой, сулящей что-то неведомое. – Поверь мне, все у тебя будет.

Страсть никак не могла не думать о мужчинах с кожей всех цветов, а также о великанах, эльфах и их ближайших родичах. И вот как-то раз она поднялась к Времени на его наблюдательную башню в такой час, когда Отец Солнце и Матушка Луна уединились, чтобы убаюкать друг друга под одеялом из облаков.

– Ты обещал мне помочь!

Время ответил улыбкой, в которой читалось еще больше обещания.

– Исполни мою мечту – ляг со мной, а взамен я подарю тебе много часов, когда ты сможешь украдкой возлечь в саду со своими одушевленными.

– Лечь с тобой? – Страсть рассмеялась. – Ты еще подросток со впалой грудью и глазами темными, как сны Дядюшки Океана! – Она дотронулась до своих пышных грудей, приподняла их под сорочкой, словно в насмешку. – Зачем мне делиться с тобой моими дарами?

Время снова улыбнулся. Обещание на его лице стало очень большим.

– Затем, что Страсть всегда уступает Времени. У младенца Страсть отсутствует, в ребенке еще не сформировалась, в юности она требовательна, в пожилом возрасте неосуществима. Подаренные мною часы вернутся тебе стократно в том мире, который настанет, когда отец и мать разбудят сад!

Тогда Страсть сняла с себя сорочку и показала свое тело брату Времени. Она была воплощением женственности; волосы ее переливались всеми цветами радуги, глаза сверкали так ярко, что вовсе не имели цвета, губы были полными и манящими, как цветок лилии между ее ногами, кожа гладкая, как только что созревший персик. И хотя Время был узкогруд и бледен, а его мужское орудие не было очень большим, он, в силу своей природы, мог целую вечность оставаться готовым к любовным утехам. Долго он наслаждался в постели со своей сестрицей. Наконец, ее крики удовольствия сменились мольбами о пощаде. Ибо даже Страсть в конце концов умеряет аппетит.

Наконец, Время излил последнее свое семя на грудь Страсти. Он встал, оторвал кусочек ногтя мизинца на левой руке и вложил его в дрожащую руку сестры.

– Возьми его с собой в сад. Всегда держи его рядом с собой, и у тебя будет столько времени, сколько тебе понадобится.

Страсть так устала и измучилась, что ее передернуло, когда она представила в своем лоне другое мужское орудие. Но ей не терпелось испытать подарок Времени. Перекинув сорочку через руку, потому что ей было очень больно и она не могла натягивать ее на тело, Страсть, хромя, заковыляла в сад.

От нее исходил такой аромат удовлетворенного влечения, что даже холоднокровные рыбы на деревьях дрожали при ее приближении. Птицы бились на своих лианах, чувствуя ее приближение или даже пряный аромат ее дыхания. Когда Страсть шла мимо покрытых мехом животных, те видели тревожные сны, метались и рычали.

Когда же она подходила к шпалерам, на которых созревали отцы и матери всех одушевленных, их глаза, дрогнув, раскрывались. Мужчины приходили в готовность, груди у женщин отвердевали; они проводили языками по пересохшим губам. Все живые существа в том саду чуяли ее, желали ее, томилась по ней.

Страсть, утомленная и измученная, испугалась и побежала в голубой Небесный чертог. На бегу она обронила в саду свою сорочку и ноготь Времени. Позже Отец Солнце пришел проверить всходы и увидел, что все одушевленные проснулись, а все животные беспокоятся. Он

сразу понял, что Страсть проходила здесь; нашел он и доказательства того, что Время стал соучастником сестры.

– Ущерб нанесен, – сказал Отец Солнце Матушке Луне. – Наши дети возбудили одушевленных. Они придут в мир с несформировавшимися душами. – И он обронил на землю золотые слезы, которые иссушали ее.

Матушка Луна посмотрела на землю с ярко освещенных небес.

– Может быть, это и хорошо. Каждый отыщет собственной путь. Каждый взрастит душу себе по вкусу.

– Но многие потеряются в бессердечии, злобе, жестокости!

– Все они – твои дети, Отец. Не каждый ребенок – Преданность или Правда. Пусть и одушевленные живут своей жизнью.

Отец Солнце послушал совет жены. Он распахнул ворота сада, собрал всех, кто там произрастал, и бросил своих подопечных в мир. Рыбы упали в реки, озера и океаны. Птицы вспорхнули в весеннее небо нового мира. Звери, рыча и мыча, разбежались по земле. А одушевленные разошлись по тем местам, которые им больше всего понравились, и начали строить города и фермы и рассказывать друг другу сказки о жарких снах, которые они видели, пока спали в саду.

Потом Отец Солнце взошел на башню Времени и проклял сына за вероломство. Теперь Время познал все муки жизни и все больше увядает перед очередным зимним солнцестоянием. Таково его наказание за то, что он возлег со своей сестрой Страстью.

Потом Отец Солнце поднялся в голубой Небесный чертог и запер Страсть в ее покоях на год и один день, чтобы она не выходила, пока проклятие брата не пройдет первый круг и она не узнает, что с ним случилось.

Но Страсть почувствовала в себе толчки плода, который она зачала со Временем. Сидя взаперти в своих покоях, она родила множество дочерей-сестриц от семени брата. Она вскормила дочерей оставшимся семенем, которое брат излил ей на грудь; поэтому ее дочери вскормлены и мужским, и женским молоком. Ее потомки стали женскими богинями и рассеялись по миру. Они помогают повитухам, роженицам, матерям, лесбиянкам, проституткам и всем девочкам.

С тех пор мужские боги, когда только могут, стараются вернуть женских богинь Отцу Солнцу, хотя убийство богини – ужасное и трудно выполнимое деяние. Боги, которые ревностнее других преследовали женских богинь, пожертвовали толику своей плоти священному ордену, построившему Шафранную Башню; они стремятся восстановить чистоту души и исправить зло, причиненное Страстью.

Чуть позже, примерно месяц спустя, мне довелось сопоставить эту необычную сказку с другой, в которой представлен явно женский взгляд на те же самые события. Госпожа Даная не знала, происходило ли все, о чем говорилось в сказках, на самом деле. Она считала, что это не имеет значения, но думала, что мне полезно будет брать уроки теологии. Впрочем, теология не входила в планы Управляющего. Поэтому госпожа Даная принесла мне больше книг, в которых обсуждались достоинства и недостатки богов.

Я, со своей стороны, кое-что почерпнула для себя из обеих сказок.

Сказка матери

Однажды, когда мир был еще юным, Матушка Луна правила на небесах первой среди титанобогов. Отец Солнце тогда еще не пробудился и не стал ее супругом, спутником-консортом. Он спал бесконечным сном на постели из горячего песка под ее покоем со стенами из слоновой кости. Иногда, в час отдохновения от трудов небесных, Матушка Луна спускалась

к нему и ложилась с ним. Хотя Отец Солнце спал, он и во сне дарил ей свое семя, и Матушка Луна зачинала детей.

Любимицей Матушки Луны была Страсть. Страсть обладала красотой, которая затмевала даже красоту матери. Волосы у Страсти напоминали одновременно золотую летнюю пшеницу, рыжие осенние листья, черный зимний лед и бледно-розовые весенние побеги. Кожа ее сияла отраженным звездным светом и была белой, как сливки. Губы у нее были слаще меда и пьянили больше вина. Страсть унаследовала все совершенство юного мира.

И вот однажды Матушка Луна разбила сад в землях, окружающих ее палаты из слоновой кости. В том саду посадила она предшественников будущего мира; они зрели на лозах, в земле, на деревьях. На востоке подрастал крупный рогатый скот. Между большими земляными колыбелями росли другие звери – кто на стеблях, кто на колосьях. На севере поместила Матушка Луна холоднокровных и крылатых тварей; не было у них ни меха, ни острых клыков, ни разума. На юге росли теплокровные животные; созревая и наливаясь теплом Отца Солнца, они готовились охотиться на других живых тварей и поедать их плоть.

Матушка Луна знала: чтобы ее урожай созрел, придется разбудить супруга. Подобно всем мужчинам, Отец Солнце часто прислушивался не к голосу разума, но к зову своих чресел. Матушка Луна старалась затянуть период ожидания.

В западном углу сада произрастали одушевленные. Они мирно спали на постели из мягкой листвы, умывались и очищались прозрачной родниковой водой. Одушевленные пользовались особой заботой Матушки Луны; она хотела, чтобы они были многочисленными и счастливыми. Были там мужчины всех цветов и размеров, а также эльфы и гномы, водяные и домовые, великаны и тролли – все, кого сотворили деятельные руки Матушки Луны в утреннем полумраке мира.

Как среди людей, так и среди потомства Матушки Луны имелись братья и сестры. Страсть резвилась с Любовью и Пониманием, близнецами Правдой и Милосердием, Справедливостью, Послушанием и прочими сестрицами. За окнами в парке у палат из слоновой кости состязались и дрались друг с другом их братья; они стреляли друг в друга стрелами с накопечниками из небесного железа.

Наблюдая за играми, Страсть прониклась возжелением к своему брату Времени. Он был красивый парень, крепкий, способный вынести все годы мира на своих широких плечах. Однажды, когда Матушка Луна отправилась в свой обычный путь по небу, Страсть пригласила Время в свои покои.

– Приди, братец, я научу тебя одной игре, – сказала она, когда они встретились на западных ступенях. Страсть облизнула губы, чтобы Время сразу понял, какие у нее намерения.

– Подобаает ли твоя игра мужчинам? – спросил он. – Мужчинами управляют их чресла, в которых имеется два маленьких мозга, каждый не больше оливки. Поэтому соображают они не очень быстро.

Страсть коснулась своей груди и улыбнулась:

– Она подобаает мужчинам больше других! – Ей казалось, что не понять ее невозможно.

– Тогда я приглашу братьев! – воскликнул Время и обернулся, собираясь созвать их.

Страсть схватила его за руку и притянула к себе, а другую руку положила на его мужское орудие.

– В мою игру мужчина и женщина играют наедине, – шепнула она ему на ухо.

Наконец Время понял, чего она от него хочет. Следом за Страстью он вошел в ее покои, но был так нетерпелив от похоти, что сорвал с нее одежды и, не считаясь с ее желаниями, тут же излил в нее свое семя. Страсть отругала и выгнала его; он со смехом убежал.

Груди Страсти отяжелели, и лоно ее было жарким после быстрого натиска Времени. Она пошла в западную часть сада, где спали одушевленные, и там, дабы утолить свои жела-

ния, стала соединяться со всеми по очереди, с мужчинами и женщинами. Все они улыбались во сне, когда она утоляла их и себя. Все шептали слова благодарности и погружались в приятные сны, полные вождения, носителями которого являемся мы все.

Наконец Страсть вернулась во дворец из слоновой кости. Хотя ее лоно наполнилось семенем и ароматами всех одушевленных из сада, она никак не могла насытиться. Тогда она спустилась под землю, где стояла постель отца из горячего песка, и приняла обличье своей матери. Страсть оседлала Солнце и разбудила его божественную силу. В разгар их совокупления Отец Солнце проснулся. Думая, что перед ним жена, Отец Солнце притянул Страсть к себе и стал ублажать ее и себя всеми возможными способами.

Матушка Луна вернулась домой и услышала стоны в западной части сада и смех сыновей. Она быстро вошла в дом, где сияние Отца Солнца уже раскрасило стены оранжевым рассветным светом. Она увидела, что Страсть совокупляется с Отцом Солнцем, и в гневе своем заперла дочь в ее покоях на год и один день. Затем Мать Луна сама легла на ложе Солнца, пытаясь снова усыпить своего супруга.

Но было уже поздно. Страсть пробудила мир. Люди дрожали от похоти, и Отец Солнце восстал со своего ложа, пылая жаром, и вознесся на небеса. С тех пор началось все зло в мире – но и добро тоже берет начало в тех днях. Запертая в своих покоях, родила Страсть множество дочерей, для всех племен одушевленных. Она научила их всему, что умела сама; рассказала обо всех, кто рос в саду, назвала по именам всех своих братьев и сестер и описала их качества, рассказала о неизменности Матушки Луны и о ее циклах – и послала дочерей в мир присматривать за одушевленными женщинами, которых она по ошибке выдала из-за невинного своего вождения.

С тех пор женские богини спасают женщин от хищнических устремлений мужчин и учат, как обратить мужскую похоть к своей выгоде. Семейные узлы, если они скованы хорошо, могут привязать мужчину к постели женщины. Монета, потраченная на час любовных утех, отнимает у мужчины его злобу. Иные женщины предпочитают возлежать только с другими женщинами; в этом они находят утешение и покой. Женские богини всегда осторожны, ибо неподалеку всегда таятся злые мужчины или их боги. Вот почему во всех женских храмах толстые стены и прочные двери.

Всю зиму я читала книги и готовила, а весной Танцовщица предложила мне занятие поинтереснее. Наши ночные пробежки по двору давно уже стали привычными; после них ноги у меня уже не подкашивались. Иногда я могла бегать часами. Кроме того, Танцовщица приказывала мне забираться на гранатовое дерево и проверяла, быстро ли я лазаю. Она требовала, чтобы я поднималась и спускалась все быстрее и быстрее. Она установила в тренировочном зале деревянную планку; я училась танцевать, держась за нее. Еще мы занимались на камнях во дворе, прыгали вверх и вниз по лестнице. Правда, вскоре госпожа Тирей начала ворчать, что мы сломаем дом.

Занятия с Танцовщицей дарили мне радость; хотя на них я уставала, они прибавляли мне сил.

Однажды Танцовщица пришла с кожаным ранцем за плечами.

– Открой, – велела она, когда мы зашли за дерево, чтобы нас не видно было из дома.

Я открыла ранец и увидела несколько свертков темной материи.

– Влезь на дерево и спрячь повыше. Спрячь так, чтобы не было видно ни с земли, ни с галереи.

– От госпожи Тирей? – Я ничего не могла утаить от женщины-утки, даже то, что происходило у меня в кишечнике. Только мои мысли принадлежали мне безраздельно, хотя, бывало, я сомневалась и в том.

– Не прячь их ни от кого, – ответила Танцовщица. – Ни от кого и от всех.

Я влезла на дерево и спрятала свертки, потому что успела узнать дерево так же хорошо, как собственное одеяло. Наверху я немного помедлила, а потом спустилась вниз.

– Не знаю, что ты задумала, – сказала я, – только ничего не выйдет: по вечерам госпожа Тирей смотрит в окно и ждет моего возвращения.

– Да. – Зубы Танцовщицы блеснули в улыбке.

– Когда же я надену твой подарок?

– Сама поймешь.

Мы немного побегали; в углах двора Танцовщица приказывала мне падать и кувыряться через голову.

Всю неделю по вечерам мы бегали; я носилась по двору, пока ноги не начинали подкашиваться, а грудь словно жгло огнем. По ночам я без сил валилась в кровать, гадая, когда же мне нужно будет надеть таинственные черные одежды Танцовщицы. Мне хватало ума не доставать с дерева свертки днем; я понимала, что за мой поступок меня в лучшем случае выпорют. Госпожа Тирей подсматривала и за нашими вечерними занятиями. Я боялась даже думать о спрятанных на дереве вещах.

Потом, когда разгадка вдруг пришла ко мне, я сама удивилась. Какой же я оказалась несообразительной! Как-то вечером, заваривая эвкалиптовый чай для госпожи Тирей, я вдруг поняла: я знаю, как незаметно выйти к Танцовщице. Я добавила в настой листьев страстоцвета, чтобы женщина-утка крепче спала – в тот день она как раз напоминала мне о том, какая тонкая грань существует между неприятным запахом и нежным ароматом, между лекарством и ядом. Сама я напилась родниковой воды, чтобы мочевого пузырь разбудил меня через час или два после того, как мы ляжем спать.

В тот вечер я не получила ни порки, ни выговора. Я долго лежала в постели и прислушивалась. Наконец до меня донесся храп госпожи Тирей – чем крепче она спала, тем громче храпела. Мне же не спалось – слишком много мыслей теснилось в голове. Как я и рассчитывала, потребность воспользоваться ночным горшком подняла меня с постели до того, как меня сморил сон.

Встав, я сделала, что нужно. Затем украдкой вышла на галерею и тихо прошла на цыпочках мимо двери госпожи Тирей. Каждую ночь она натягивала поперек верхней ступеньки веревку с колокольчиками, но я съехала вниз по перилам.

Выйдя во двор, я сразу направилась к гранатовому дереву и полезла наверх. Разумеется, свертки оказались там, куда я их положила. Ни у кого, кроме меня, не хватало воли и возможностей влезть на дерево – если не считать саму Танцовщицу. Я взяла материю, спустилась и зашла за дерево, подальше от Гранатового двора.

В свертках я нашла штаны, куртку и какую-то сумочку; повертев сумочку в руках, я поняла, что это капюшон. Все было из хлопка, выкрашенного в черный цвет.

Я натянула штаны, заправила в них свою рубаху, а сверху надела куртку. В капюшоне было непривычно, но все же я надела его на голову. Я ждала: вот-вот из тени выйдет Танцовщица, но она не выходила. Я постояла немного на одном месте, чувствуя себя по-дурацки, а потом решила побегать по двору. Я старалась бежать как можно тише, чтобы никто ничего не услышал. На каждом углу я делала кувырок. Я бегала и бегала, пока на небе не высыпали звезды, потому что луна состарилась, и ее не было видно. У меня заболели ноги и спина.

Когда я сделала кувырок на третьем углу, между воротами и сараем для инструментов, меня нагнала Танцовщица. Мех ее при свете звезд казался темным, а лицо было смертельно серьезным.

– Госпожа, – прошептала я, задыхаясь, – ты была права. Я поняла, когда тебя ждать!

Танцовщица кивнула.

– Сейчас я покажу тебе кое-что новое.

Следом за ней я влезла на столб с западной стороны крыльца. С галереи мы поднялись на медную крышу, потом перешли на серовато-голубую стену и очутились на широкой дорожке, идущей по краю стены, – я видела ее, когда залезла на гранатовое дерево.

Внизу проходила улица. Очень тихая даже днем, среди ночи она была совершенно безлюдна. На меня смотрел ряд домов; окна походили на пустые глазницы под неровными коньками крыш, хотя за некоторыми окнами теплились огоньки. Дальше высились городские строения. Многие крыши тускло поблескивали медью, однако встречались и черепичные крыши, которые вовсе не блестели. Я увидела постройки с башенками наверху; увидела и архитектурные украшения, названия которых я не знала. У меня еще не было наставницы, которая занималась бы со мной архитектурой и жизнью больших городов.

Передо мной лежал путь к свободе.

– Я могу уйти? – спросила я.

– Ты еще слишком молода, – тихо ответила Танцовщица. – Хотя разум твой остер – острее я еще ни у кого не видела – и твоя красота непорочна, ты не можешь идти по своему пути одна. Поживи здесь еще, поучись у нас, зная, что когда-нибудь ты сама выберешь свой путь. Выбор тебе придется делать много раз.

– Я с тобой не согласна. Я ни за что не выберу такой путь, в конце которого попаду в чьи-то руки.

– Даже птицы вьют гнезда парами. – Танцовщица прижала меня к себе и долго не отпускала. Потом мы спустились вниз, и я спрятала одежду, в которой для меня началась новая жизнь.

Чем теплее становились дни, тем усерднее мы занимались. Госпожа Леони показывала мне такие вещи, о которых я и не подозревала, например, как вплетать тайные послания в основу и уток плаща придворного. То же самое происходило и на кухне, на занятиях с госпожой Тирей. Однажды мы почти целый месяц учились готовить соусы; в ту пору мы с ней словно заключили перемирие. Мы готовили вместе, дружно и споро. Вдали от очага госпожа Тирей по-прежнему часто ругала и била меня, но на кухне на нее снисходило успокоение.

Мне разрешили ездить верхом и научили дамской посадке и некоторым видам мужской посадки, чтобы я могла судить о достоинствах и подготовке наездников. Новая наставница, госпожа Роксанна, принесла в ящиках драгоценные камни и разноцветные карты. Так начались мои занятия ювелирным делом. Госпожа Роксанна, тощая и хитрая, любила поболтать.

Чем лучше я читала, тем больше книг приносила мне госпожа Даная. Вначале мне казалось, что она выбирает мне чтение произвольно, но потом я поняла, что мой круг чтения весьма ограничен. Я не получала никаких сведений по современной истории, понятия не имела о городе Медные Холмы – и о том, что в городе есть Правитель. О самом его существовании я узнала случайно, подслушав разговор наставниц.

Больше всего сил я тратила на занятиях с Танцовщицей. Она не позволяла мне лодырничать и днем – мы осваивали разные шаги, упражнения на растяжку и равновесие. Танцовщица принесла заводной ящичек, который отмеривал ритм. В тренировочном зале появились подбитые ватой скамейки и брусья. Танцовщица обещала, что через несколько лет я вырасту и окрепну, и призывала меня развивать мышцы.

После того как начались наши с ней вечерние вылазки, она стала приходить попозже, чтобы госпожа Тирей не догадывалась о ее посещении. В те дни, когда Танцовщица собиралась взять меня на ночную вылазку, она оставляла черный лоскуток на скамье в тренировочном зале. Как только госпожа Тирей крепко засыпала, я накидывала на рубаху серый шерстяной плащ, выскальзывала из спальни, спускалась во двор, влезала на дерево и переодевалась в черное. Всякий раз, спустившись, я видела у дерева Танцовщицу. Я возвращала ей лоскуток, и мы приступали к тренировке.

Она заставляла меня бегать, прыгать, лазать на дерево, кувыркаться, падать. Я бегала по дорожке, идущей по верху внешней стены; Танцовщица отмеряла для меня расстояния, которые я должна была пролетать, не коснувшись камня. Вскоре я привыкла к виду города внизу и гадала, когда я увижу больше.

– Почему мы бегаем по стене? – спросила я ее однажды в конце весны, когда нежаркое северное лето согревало нас робким теплом. – Разве у Управляющего нет охранников?

Мы разговаривали на ходу, взбираясь на стену. Танцовщица учила меня отыскивать опоры для ног и рук в трещинах между каменными плитами.

– Никто, даже самый последний пьяница и вор, не посмеет проникнуть во владения Управляющего.

– Нас ведь видно с улицы!

– Нас нельзя увидеть, если не заглянуть внутрь. И даже если нас здесь увидят случайные зеваки, кому они расскажут? Кто мы?

– Наставницы приходят и уходят.

– Ты когда-нибудь видела, чтобы какая-нибудь еще наставница, кроме меня, приходила или уходила ночью?

Я задумалась.

– Н-нет... не видела.

– Наверное, ты догадываешься, что ворота тщательно охраняются.

– Охранники не пропускают сюда никого, даже друзей Управляющего?

Танцовщица рассмеялась:

– Вот именно! При такой работе охранникам недолго и разлениться. Поскольку им запрещено заглядывать во дворы – нарушителя ослепят, а затем казнят, – они не видят, чем мы занимаемся.

Как и говорил Федеро, помимо него, я общалась только с женщинами.

Как-то ночью Танцовщица позвала меня на другую вылазку.

Переодевшись в черное, я спрыгнула с дерева. У меня болели бедра и ягодицы, потому что днем я ездила верхом на толстой лошади. Я еще не умела хорошо сидеть верхом по-мужски. Танцовщица уже ждала меня внизу; хвост, для которого в ее трико был проделан специальный разрез, нервно подергивался.

– Госпожа, – сказала я, склоняя голову и складывая ладони – так я испрашивала позволения говорить.

– Пока я сосчитаю до двадцати, ты должна добраться до дорожки на внешней стене.

Я понеслась к стене быстро и бесшумно, как она меня научила. В ту ночь не было ни тумана, ни дождя, поэтому бежать было легко. По лестнице я подниматься не стала – не только из тщеславия, но и чтобы не разбудить госпожу Тирей. Я взобралась по стене в углу, где внутренняя стена Гранатового двора смыкалась с внешней, пробежала по медной крыше, перемахнула на внешнюю стену.

Я досчитала до шестнадцати.

Через миг ко мне присоединилась Танцовщица.

– В следующий раз добежишь на счет «пятнадцать».

– Да, госпожа.

Мы встали на внешней стене; Танцовщица велела мне посмотреть вниз. Ох, как далеко улица!

– Как ты туда спустишься?

Я задумалась.

– Можно попробовать по внешней стене, но я не знаю, скользкая она или шершавая – и на каком расстоянии расположены швы, заполненные раствором. Если я упаду, то разобьюсь о

камни... Едва ли здесь можно спуститься безопасно, ведь до земли далеко. Я все кости переломаю!

Танцовщица хмыкнула.

Я огляделась по сторонам. Дорожка шла по всей внешней стене вокруг поместья Управляющего. Правда, пределов Гранатового двора мы еще ни разу не покидали, хотя сверху стена ничем не была разграничена.

– Наверное, можно пройти и дальше... Может быть, за Гранатовым двором спуск ниже, или я увижу трещину в стене.

– Что будет, если тебя застанут за пределами Гранатового двора? – тихо-тихо, даже не шепотом, а тенью шепота спросила Танцовщица.

– Госпожа Тирей изобьет меня до полусмерти и продаст в портовую таверну. Управляющему и так стоит много трудов содержать меня здесь в тайне.

Танцовщица ничего не ответила. Меня вдруг пробил озноб – и вовсе не из-за ночной прохлады. Кого она хочет из меня сделать? Никто не говорил мне впрямую о том, что меня ждет; только Федеро как-то раз обмолвился, что я стану знатной дамой. Кого воспитывает из меня Танцовщица? Ее уроки пришлись не по вкусу госпоже Тирей; вряд ли их одобряли Федеро и Управляющий.

– Я не орудие в твоих руках, – хрипло прошептала я и припустила на восток по стене, через границу моей жизни.

Пришедший с визитом Федеро подивился тому, как я выросла.

– Ты очень вытянулась, пока меня не было, – сказал он, беззаботно рассмеявшись.

К тому времени я считала себя очень искусенной; я накрепко запомнила многие важные сведения, связанные с драгоценными камнями и одеждой. Федеро оставался последним звеном, связывавшим меня с отцом и Стойким. Он единственный из всех мог точно сказать мне, где я родилась. Правда, в тот раз он был одет не как всегда. Обветренный, в легкомысленных, странных панталонах раструбом книзу и муслиновой рубаше с застежкой на плече.

Его внешний вид не был достоин моего восхищения.

– Я расту, – ответила я, думая: «И каждый день считаю колокольчики, пусть и втайне».

– Хорошо. – Федеро склонил голову, разглядывая меня под разными углами. Он больше не хватал меня пальцами за подбородок, как раньше. – Она часто тебя бьет?

– Сейчас уже меньше, – сказала я. – Я научилась держать язык на замке, а борюсь, только когда должна.

– Хорошо. Я боялся, что твой независимый, упрямый нрав доведет тебя до беды.

Его слова напомнили мне о том, что Федеро мне вовсе не друг. Друга волновало бы мое состояние; он радовался бы моей независимости и не боялся, что я причиню кому-то слишком много хлопот.

– Как твоя охота? Много ли живого товара попало в твои сети? – спросила я нарочно противным голосом – так говорила госпожа Леони, когда не рассказывала о тканях, а сплетничала с другими наставницами.

Видимо, мои слова заделли Федеро, потому что он отвернулся.

– Девочка, ты многого не понимаешь!

Он ушел, а я смотрела ему вслед без всякой грусти. Этот человек украл у меня жизнь и семью. И даже если я сделала ему больно, я ни в чем не виновата. Сейчас он уйдет, а я останусь на Гранатовом дворе, под бдительным присмотром госпожи Тирей, у которой очень тяжелая рука.

Закрыв глаза, я стала вспоминать, как пахнут по утрам рисовые чеки. Потом явилась женщина-утка; она наказала меня за дерзость.

* * *

В следующий раз, когда Танцовщица положила на скамью в тренировочном зале черный лоскут, я была готова к ночной вылазке. Мне хотелось доказать всем, что они не правы, а со мной всегда были ограниченными и злыми. Я по-прежнему считала, что с помощью слов сумею выбраться из заточения. И все же мне хотелось, перед тем как я покину Гранатовый двор навсегда, выместить на ком-то свою злость и досаду кулаками.

Спрыгнув с дерева на камни, я не увидела Танцовщицы на нашем обычном месте. Мне стало тревожно и страшно. Когда глаза привыкли к темноте, я увидела, что она уже ждет меня наверху, на стене. Я молнией пронеслась по двору и взобралась наверх – наверное, поставила личный рекорд.

Танцовщица следила за моим приближением. Когда я оказалась рядом, она вдруг преградила мне путь. От неожиданности я потеряла равновесие и упала. Правда, приземлилась я довольно удачно – не зря она два года тренировала меня.

– Что случилось? – прошипела я, вскакивая.

– Ты что, считаешь себя выше своих друзей?

Только тогда я поняла: должно быть, они с Федеро часто говорили обо мне.

– Нет, – ответила я, тяжело дыша. У меня болели ребра.

– Ради тебя кое-кто идет на большой риск. Благодарности от тебя я не жду – во всяком случае, я на твоём месте никого бы не благодарила. Но ты могла бы, по крайней мере, проявлять уважение!

– К кому? К тем, кто идет ради меня на риск, но каждый день приходит и уходит по собственной воле? – Я сплюнула на камни. – Я ведь рабыня, и мне вовсе не жаль, что я не угодила своим хозяевам!

Танцовщица долго молчала, видимо обдумывая мои слова. Они были исполнены гордыни, но, кроме гордыни, у меня ведь ничего не было. Все остальное у меня отняли, меня постоянно обкрадывали.

Наконец она заговорила:

– Я тебе не хозяйка. Как и Федеро... и даже госпожа Тирей.

Глубоко вздохнув, я постаралась успокоиться и не показывать жала, которое пряталось в моей душе.

– Да, мой хозяин – Управляющий. А вы с Федеро подтверждаете его права!

– Девочка, ты ничего не знаешь.

– Да, не знаю. – Я посмотрела на лежащую внизу улицу. Неужели сегодня Танцовщица позволит мне спуститься туда, в город? Боясь, что следующие слова лишат меня единственной возможности убежать, я сказала:

– Я не буду принадлежать ни ему... ни тебе!

Танцовщица взяла меня за руку, в которой я до сих пор сжимала черный лоскут.

– Что ж, тебе решать. Когда захочешь, чтобы я вернулась, покажи мне этот знак.

– Когда я захочу? – тупо повторила я.

– Да, когда захочешь! – Лицо ее скривилось от горечи потери и гнева. – Может быть, я даже приду. А пока спрячь свой черный костюм и иди спать. Какое-то время я не желаю тебя видеть.

По пути вниз я дважды поскользнулась. Тяжелые мысли до такой степени завладели мной, что я так и вернулась в спальню в черной одежде Танцовщицы. Я не сняла и мягких кожаных туфель и перчаток, которые надевала на наши ночные вылазки. Раздевшись, я свернула свой ночной костюм в узел, прокралась в гостиную, взяла там иголку и затолкала узел в

подушку, на которой упражнялась в вышивании. Мне предстояло закончить узор из бледных цветов, растущих из сломанной короны.

Следующие несколько недель на сердце у меня было тяжело. Я по-прежнему ежедневно занималась с Танцовщицей, но прежняя теплота наших отношений ушла. Нет, она не отталкивала меня, не требовала, чтобы меня наказали, но и не обнимала и не говорила мне добрых слов. Несколько раз, когда Танцовщица думала, что я занята и ничего не замечаю, я ловила на себе ее пытливый взгляд.

В то время мне казалось, что между нами все кончено. Гордыне, как и выдержке, можно научиться. Но если выдержка в тяжкий миг может отступить, то гордыня, напротив, упорствует и не сдается.

Нет, я не перестала презирать свое будущее, а вместе с ним и подлецов, которые мною командуют. Но я утратила способность отличать друзей от врагов.

Должно быть, госпожа Тирей почувствовала, что между мной и моей любимой наставницей образовалась брешь. Она неожиданно сделала перерыв в сложном курсе приготовления теста, в ходе которого я узнавала, какие бывают виды муки, что можно и что нельзя класть в выпечку и как лучше раскатывать пироги – и стала учить меня готовить сладости. Мы вместе толкли ядрышки горького миндаля, резали маслянистые финики и яблоки и заворачивали их в слои теста или виноградные листья. Свежеиспеченные сладости я поливала медом, чтобы они пропитались теплым, ароматным сиропом. Мы ставили опыты, то уменьшая, то увеличивая количество сахара; иногда мы рисовали на печенье узор вилкой или черенком ложки.

– Правильно приготовленный десерт способен продемонстрировать почтение, – поучала меня женщина-утка. – Плохо приготовленный десерт – это оскорбление. Еда – тоже язык.

Я стиснула ладони. Она милостиво кивнула.

– А как же иностранцы? – спросила я. – Мы знаем их язык еды?

Госпожа Тирей метнула на меня подозрительный взгляд. Она не забывала, что я нездешняя, что меня привезли с другого берега Штормового моря. Как будто от меня зависело, где мне родиться! Впрочем, потом женщина-утка сменила гнев на милость. Видимо, поняла, что я не подвергаю сомнению ее авторитет в доме Управляющего.

– Иногда можно освоить приготовление какого-то блюда, чтобы продемонстрировать почтение богатому иноземному купцу или вельможе. – На губах ее мелькнула тень улыбки. – Но помни, чужестранцы не способны возвыситься до нашего уровня! Если приходится, мы снисходим до них, но лишь по доброте душевной. Если бы они были способны понять, что нами движет, они бы отказались от наших милостей!

Я, сама того не понимая, выказала ей презрение, и оно вернулось ко мне в пятикратном размере! Мне казалось, что я никогда не найду общего языка ни с одной наставницей, хотя некоторые относились ко мне вполне по-человечески. Одна лишь Танцовщица по-настоящему ценила меня... Но потом и она меня отвергла!

Я отвернулась, чтобы взять сахарницу и прикрыть слезы, выступившие на глазах.

– Девочка!

Обернувшись к госпоже Тирей, я даже не попыталась скрыть слезы. Мне повезло: она решила, что меня ранило ее пренебрежение.

– Завтра мы будем печь сдобу, – сдавленным голосом произнесла женщина-утка. – И нашу работу оценят! – Странная, фальшивая улыбка изогнула вверх уголки ее губ; так может улыбаться восставший из могилы мертвец. – Подумай, что ты сделаешь, чтобы достойно представить Гранатовый двор.

Я снова стиснула ладони. Она нахмурилась, но коснулась пальцем подбородка, показывая, что я могу говорить.

– Кто будет оценивать нашу работу, госпожа? – спросила я. – И с кем мне предстоит состязаться?

– Девочка, то, что творится за стенами Гранатового двора, тебя не касается. Мы отправим свою сдобу на суд, и ее оценят.

Ответ показался мне очевидным. Дом Управляющего проводит состязание между дворами!

Я с трудом удержалась от улыбки. Несколько лет я живу за серо-голубыми стенами, и вот наконец мне представился случай показать, чего я стою! Я могла лишь поблагодарить солнце, что они не устроили состязания в верховой езде. Конечно, я наверняка превзошла бы других девочек-невидимок в искусстве лазать по деревьям, но сойдет и то, что есть. Сойдет и то, что есть!

* * *

На следующее утро я мысленно выбирала муку нужного сорта и сахар. Какие яйца положить в тесто – более питательные утиные или перепелиные, понежнее? Умываясь между прочим, я соображала, как украсить сдобу. Я решила посыпать ее крупным сахаром и кардамоном, чтобы подчеркнуть вкус.

Умылась я быстро, а оделась еще быстрее. Основной моей одеждой по-прежнему были ситцевые рубахи. Хотя приближалась осень, я еще не надевала плаща – даже рано утром. Теперь мне было почти все равно, жарко на улице или холодно. Я одевалась потеплее, только когда замерзало дыхание или на снегу немели ноги.

Выйдя на галерею, я увидела, что дворик покрыт туманом. В полутьме странно чернело гранатовое дерево, растопырив ветви, как сломанные пальцы. Пахло холодным камнем и не таким далеким морем. Мой взгляд переместился на те ветки, где прежде я хранила мой наряд для ночных вылазок. Хорошо, что я перепрятала его – а вместе с ним и черный лоскуток Танцовщицы.

Работа на кухне казалась мне не такой важной, как прогулки в темноте. Я гораздо больше гордилась тем, что умею забраться на крышу на счет «пятнадцать» и никто в доме меня не замечает, чем своим умением испечь вкусную сдобу.

Впрочем, какая разница? Госпожа Тирей не уставала повторять: впоследствии мне не нужно будет самой ни печь, ни шить, ни убираться. Мне нужно лишь превосходно, до мелочей, изучить все эти искусства и ремесла.

Вдруг в голову пришел страшный вопрос: может быть, все наставницы – провалившиеся кандидатки? Может быть, госпожа Даная, госпожа Леони и другие провели за этими серовато-голубыми стенами не один год, прекрасно овладели каллиграфией, научились искусно шить и ткать... а потом не прошли экзамена или у них нашли какой-то изъян и потому отвергли?

Больше всего на свете мне хотелось вернуться домой, к своей прежней жизни. Но, если я почему-либо не смогу вернуться к папе и Стойкому, я совсем не хотела остаться здесь и целыми днями обучать других девочек тому, что в меня вколотили мешком с песком.

Тут я поняла, почему так скучаю по ночным вылазкам с Танцовщицей. Мне недостает не физических нагрузок, а спутницы, которая позволяет мне без страха высказывать все, что я думаю.

«Жаль, что она так низко меня ценила!» – подумала я.

Гнев придал мне сил. Упрятав его поглубже, чтобы продержаться весь день, я спустилась в большую кухню. Я не брала в рот ни крошки, пока госпожа Тирей не разрешила мне приготовить утреннюю трапезу. Зато я мысленно перебирала пряности и специи и решала, что приготовлю к столу Управляющего.

В тот день мы с госпожой Тирей почти подружились. Нас сближал общий замысел, а я так хорошо научилась готовить, что могла сама придумывать свое блюдо.

Незадолго до того на Гранатовый двор привезли партию экзотических фруктов; мне сказали, что они выросли в стеклянном доме, который сохраняет на Каменном Берегу толику южного солнца. Плоды пизанга я положила на лед, затем порезала на тонкие ломтики и обжарила с кунжутным семенем. Запах стоял божественный; кунжут облагораживает почти любой продукт. Затем я приготовила пюре из гуайявы и добавила в него толченый миндаль. От такого сочетания сладкого и горького мой рот тоже наполнился слюной.

В качестве основы мы с госпожой Тирей приготовили рубленое масляное тесто. Я долго раскатывала его, а потом растягивала, растягивала, растягивала. Когда тесто сделалось почти прозрачным, я посыпала его крупным сахаром и тоненькими лепестками миндаля и разрежала на двенадцать квадратов. На каждый квадрат положила пюре из гуайявы, поверх пюре разложила обжаренные пизанги и накрыла вторым слоем раскатанного теста. Полученные пирожные я смазала взбитым перепелиным яйцом, сверху посыпала крупным сахаром, добавила по нескольку крупинок каменной соли и пригоршне кунжутных семечек. В серединку каждого пирожного я воткнула целый орех. После запекания на месте ореха образовалась щель, в которую я, предварительно остудив пирожные, положила по кусочку замороженного пизанга.

После того как все было готово, мои сладости выглядели такими же образцовыми, как и те, что готовила госпожа Тирей. Она оглядела мою работу, пригнувшись и легко касаясь пирожных длинной деревянной ложкой.

– Девочка, – сказала она наконец, криво усмехнувшись, – ты поработала на славу. Неплохо, очень неплохо. Ты не посрамила Гранатовый двор.

Значит, я олицетворяю Гранатовый двор?! Ее похвала так ошеломила меня, что я молчала. Только кивнула и робко улыбнулась.

В тот день мне пришлось учиться управлять целой сворой гончих. Потом я ткала на станке коврик, упражнялась в каллиграфии, изучала восточный шрифт, принятый в Шафранной Башне, и делала все, что от меня требовалось. Как ни странно, Танцовщица в тот день не пришла. Потом я поняла: Танцовщица никогда не приходила, если Управляющий был дома. И все же я скучала по ней, хотя и злилась на себя за то, что скучаю.

В тот день мы ничего не узнали о результатах состязания. Не узнали и на следующий день, хотя Танцовщица вернулась. Она стала учить меня новому ритуальному танцу, который зародился на далеких островах в Солнечном море. Главной особенностью этого танца были многочисленные выпады и удары ногами. В танце участвовали двое; они по очереди нападали друг на друга и оборонялись. После нападения Танцовщицы я много раз валилась на соломенные маты и набила шишек больше, чем во время наших ночных вылазок. Естественно, госпожа Тирей и внимания не обращала на мои синяки и ушибы, как, впрочем, и на те, что наносила мне сама.

Танцовщица мстила мне? А может, она тем самым пыталась что-то мне сообщить? Я долго думала, что же она хочет мне передать, но потом мне надоело мучиться догадками. Я не стану потакать ей! Я могу доказать свою независимость и по-другому. Буду состязаться с девочками, живущими на других дворах, и над всеми одержу победу.

На следующий день, едва выйдя из спальни, я получила сильную пощечину от госпожи Тирей.

– Снимай рубашку! – потребовала она, хлопая себя трубкой с песком по бедру.

Всего два дня назад мы так дружно работали на кухне – и вот все ее дружелюбие пропало, растворилось в злорадной ненависти, которая никогда не оставляла ее. Госпожа Тирей била меня, пока не запыхалась; покосившись на нее, я увидела, что она чуть не плачет.

– Из-за твоих дурацких пирожных тебе чуть не отрезали язык! Управляющий хотел продать тебя! – зарычала на меня госпожа Тирей. От нее сильно пахло вином – и страхом. – Только глупый щеголь Федеро заступился за тебя и спас тебя!

Я сразу же поняла: спасая меня, Федеро спас и ее.

Говорить было не о чем, спрашивать нечего. Я крепко схватилась за перила; ноги под мной задрожали. Госпожа Тирей поняла, что молчание – моя единственная броня.

Закончив меня бить, она отошла от меня, но тут же наклонилась и схватила меня за плечо так крепко, что остались синяки.

– Одной родственнице Управляющего стало плохо от твоего миндаля. Губы обметало, она задыхалась. Сначала решили, что ее отравили, но потом ее служанка призналась, что госпоже всегда делается плохо от определенных орехов. Федеро сказал, что ты не могла этого знать, и унял гнев Управляющего. Тебе крупно повезло, девочка!

После того как госпожа Тирей ушла, я медленно подобрала с пола сорочку и надела ее через голову. С чего слугам Управляющего кажется, что мне крупно повезло? Повезло им – они по-прежнему могут бить и унижать меня! Ведь не их лишили родителей, увезли из родного дома и безжалостно ломают!

Позже в тот день, во время молчаливого занятия с Танцовщицей, я протянула ей черный лоскут. Она ничего не сказала, не подала мне никакого знака, но я видела, что она поняла. Мышцы у меня ныли, ноги дрожали. И все же я решила держаться.

В ту ночь я лежала в постели, ожидая, пока госпожа Тирей заснет, и представляла, как задушу ее подушкой или впихну в горло стрелу, обмотанную шелком. Пусть вопит сколько влезет и раскрошит все зубы о металлический наконечник! Злобные мысли согревали меня, но я понимала, что ничего подобного не сделаю. Танцовщица была права, когда велела мне ждать и копить силы. Силы мне еще понадобятся!

Наконец я встала и распоролла швы на подушке. Мой черный наряд лежал на месте; от него пахло древесной корой и застарелым потом. Я достала свой наряд и переделалась прямо в спальне, не боясь, что меня схватят. Когда я вышла на галерею, госпожа Тирей застонала и заворочалась в кровати.

Застыв на месте, я смотрела на двор, окутанный туманом. Вот скрипнула кровать; потом я услышала знакомый звук струи, льющейся в ночной горшок. Я стояла совершенно неподвижно и старалась не дышать.

Застонав и закрихтев, госпожа Тирей снова легла. В последний раз пожалев о том, что не могу сейчас закрыть ей лицо подушкой, я перемахнула через перила галереи и приземлилась во дворе. Спускаться по скрипучей лестнице было рискованно.

Однако я недооценила силы утренней порки. Мои отбитые мышцы меня подвели. Упала я неудачно и, тяжело дыша, растянулась на булыжниках. Через миг надо мной нависла Танцовщица; ее маленькие округлые ушки четко выделялись на тусклом серебристом фоне ночного неба.

Она протянула мне руку. Я оттолкнула ее, потому что еще злилась и на нее, и на госпожу Тирей, и на всех. Больше всего я злилась на себя, но не хотела задумываться об этом.

Я встала; меня шатало. Мы посмотрели друг другу в глаза.

– Во-первых, – прошептала я, – покажи, как ты сбросила меня со стены в тот, последний раз. Когда я научусь уклоняться, ты научишь меня спускаться со стены и возьмешь меня с собой в город!

– Не смей мне приказывать! – Голос у нее был тихим и хладнокровным, но хвост застыл почти в вертикальном положении.

– Мне тоже надоело слушать чьи-то приказы! – Эти слова удивили меня саму. – Я остаюсь здесь, потому что сама так хочу. Я превзойду всех наставниц в их искусствах, одержу

победу над девочками с других дворов и, наконец, одержу победу над самим Управляющим. А потом, когда пойму, что готова, я уйду отсюда.

Ответом мне послужило ее молчание. Хвост ее уже не стоял вертикально, но слегка подрагивал.

– А ты... – Несмотря на темноту, я почувствовала, как краснею. Наверное, лицо у меня горело, как маяк. – Ты научишь меня тому, что мне надо знать, чтобы самой выбирать свой путь? – Я молча вглядывалась в нее. – Ну, пожалуйста!

Она хмыкнула; кончик хвоста загнулся кверху. Потом она снова протянула руку. Я взяла ее и сжала, как будто просила разрешения притянуть ее к себе.

– Давай-ка поучимся уклоняться от ударов и падать. – Она подвела меня к лошадиному загону, и мы стали учиться падать.

После этого все пошло по-другому. Госпожа Тирей по-прежнему злилась на меня, но вместе с тем как будто чего-то боялась. После кулинарного состязания в наших отношениях наметился надлом. Тогда я словно выиграла очко – и почти выиграла всю партию.

Я не возомнила о себе, но осмелела. Охотнее и чаще спрашивала позволения говорить. Мои вопросы стали острее; я словно бросала наставницам вызов. Я старалась думать на несколько ходов вперед. Пища предназначена для еды, но может быть также оружием, демонстрацией, состязанием, угрозой и вызовом. Собаки – слуги, но вместе с тем, как ни странно, и хозяева; их неглубокий, но острый ум способен воспринимать мир через непрочную призму запахов и стайный инстинкт; если их слушать, они могут рассказать о своих чувствах. Язык одежды, складок и узоров оказался сложным и запутанным, как любой логический дискурс о Великих Меннах или владыках Шафранной Башни.

Я задавала вопросы, провоцировала наставниц и предвидела трудности. Наставницы отвечали на мои вопросы, развивая мой ум. Как ни странно, бить меня стали реже. Я приспособилась к жизни на Гранатовом дворе. Говоря языком госпожи Балнеа, всадник научился обходиться без хлыста.

Танцовщица целый лунный месяц учила меня правильно держать равновесие и падать.

– Это только азы, – сказала она. – Ты должна уметь держаться на ногах и заранее чувствовать удары. – Скоро я научилась уклоняться от ее выпадов, хотя ударам она меня не учила, каждый раз обещая: – В другой раз. Потом. Времени у нас еще много.

Я просила научить меня всему, чтобы потом я чувствовала себя в безопасности на улицах города. Танцовщица охотно учила меня прятаться, убегать и обороняться. О нападении речи не было. Меня никто не должен был бояться.

Наконец, в следующее новолуние, мы снова встретились у гранатового дерева. Стусился холодный туман – лето заканчивалось. Я соскользнула вниз в своем черном наряде. Танцовщица уже ждала меня под деревом, как всегда. Прежняя наша близость так и не вернулась, однако она по-прежнему относилась ко мне с состраданием. Я жаждала большего, но на первых порах и сострадания было достаточно.

Танцовщица легко положила руку мне на плечи:

– Ты готова?

– Да. – Я широко улыбнулась.

– Нет, – возразила она, тоже улыбаясь, – ты еще не готова. Никто не знает, готов ли он к следующему шагу; все просто шагают вперед, когда приходит время.

– Тогда нам надо двигаться вперед!

– Лезь на стену! Считаю до десяти!

Я побежала, как будто земля горела у меня под ногами.

Позже в ту ночь я достала свой воображаемый шелк и нашла на него еще один колокольчик. Потом долго рассказывала себе сказку на своем родном языке – о девочке, которая

плавала в канавах или играла под брюхом буйвола по имени Стойкий. Только он, бесконечно терпеливый буйвол с большими карими глазами, не предал меня – не умер и не отослал прочь. Мне было больно оттого, что не хватало слов на родном языке и давались они мне с трудом. Я понимала, что не виновата. Мой словарный запас на родном языке очень скуден не потому, что я глупа и ленива. Просто Федеро увез меня из родного дома в очень раннем возрасте. И все же мои пробелы в знаниях очень меня удручали.

Огорчившись, я плакала в подушку. Подушка глотала мои слезы, а потом – и обрывки мыслей, которые вертелись в голове.

Через несколько дней я сидела в саду с госпожой Тирей; я сдернула с глаз повязку, чтобы проверить, хороший ли выбрала плод. То, что началось несколько лет назад как жестокая забава, превратилось в интересную игру. Когда я в очередной раз закрыла глаза повязкой, скрипнула створка ворот. Кто-то толкнул ее с той стороны.

Мы обе посмотрели на входящего Федеро.

В тот день он был одет как благородный городской купец. Госпожа Леони недавно начала учить меня распознавать значение шляп, перьев, шарфов и булавок – с их помощью легко определить происхождение и общественное положение владельца. Правда, фасоны одежды и аксессуары подвержены веяниям моды, поэтому все они часто меняются.

Два павлиньих пера, перекрещиваясь, ниспадали слева с фиолетовой фетровой головной повязки – такой же, как и лацканы его пиджака. Под пиджаком я увидела кремовую рубашку, которая застегивалась слева направо, с небольшим воротником, который застегивался на три серебряные застежки. Темные брюки из алтамского твида в елочку сужались книзу; отвороты открывали темно-красные кожаные полусапожки. Через плечо был небрежно переброшен темно-синий, почти черный, шарф.

Я подумала, что Федеро выглядит довольно глупо, хотя весь его наряд свидетельствовал о высоком положении в обществе.

– Здравствуй, девочка! – Федеро сухо кивнул госпоже Тирей. – Как успехи кандидатки?

– Я представлю отчет в надлежащий срок. – Госпожа Тирей злобно покосилась на меня. Ей не хотелось, чтобы я слышала их перепалку.

Склонив голову, я ждала. Что от меня понадобится Федеро?

– Я бы хотел немного побеседовать с девочкой, – многозначительно сказал Федеро.

– Если я понадобится, я буду в гостиной. – Госпожа Тирей вперевалочку зашагала прочь; гримаса на ее перекошенном лице не сулила мне ничего хорошего.

Я стиснула руки, когда она скрылась в тени крыльца. Я давно поняла, что Федеро и Танцовщица зачем-то вступили в сговор ради меня. Я не понимала, с какой целью – правда, тогда почти вся моя жизнь казалась туманной.

Федеро опустился на одно колено и сказал:

– Я уезжаю... надолго. Возможно, меня не будет год или больше.

Я кивнула.

– Говори, девочка. Я ведь не принадлежу к числу твоих мегер-наставниц со злобными лицами и кашей вместо мозгов.

– Счастливого пути, – сказала я. Хотя я не хотела быть с ним грубой, не хотела спорить с ним, я могла думать только об одном: о дне, когда он купил меня у папы. Неужели он уезжает, чтобы купить еще девочек, едва научившихся ходить?

– Мне говорили, ты делаешь успехи.

– Мне нравятся танцы.

Его ответная улыбка подсказала мне, что я ответила правильно.

– Превосходно! Я почти ничем не могу тебе помочь, но я радуюсь твоим достижениям. Кое-кто другой... точнее, другая... может сделать для тебя гораздо больше.

– Я сожалею о том, что нагрубил ей... и тебе.

На миг лицо у него вытянулось, опечаленное воспоминаниями.

– Выслушивать горькую правду тяжело, но грубостью я бы ее не назвал. – Он дотронулся пальцем до моего подбородка, как будто хотел снова склонить мою голову набок и внимательно осмотреть меня. – Все мы ходим туда-сюда за решетками, все сидим в клетках.

– Твоя клетка – весь мир, – в досаде возразила я, хотя не собиралась бить его наотмашь.

– Весь мир – клетка для всех. Только у одних мир больше, а у других – меньше.

С этими словами Федеро оставил меня. Перед уходом он еще немного поговорил с госпожой Тирей. Я же стала плодовосъемником снимать с дерева последние в том сезоне гранаты.

Следующая вылазка с Танцовщицей задала тон всему, чем мы с ней занимались зимой. В ту ночь она впервые взяла меня с собой за стену, и мы заглянули в один из пустующих домов Управляющего. Мы медленно поднимались по пыльным лестницам, останавливаясь через каждые два-три шага, чтобы замести за собой следы, и ждали, пока уляжется пыль. Урок стал для меня настоящим открытием, ведь госпожа Тирей в буквальном смысле вдолбила в меня, что пыль – это враг. А в брошенном доме пыль стала другом, который отлично скрывал наши следы.

Несмотря на то что приходилось то и дело останавливаться, наверху мы очутились меньше чем через десять минут. Передо мной раскинулись покатые крыши, дымовые трубы, башенки с врезанными в них окошками, водосточные трубы с отдушинами, прикрытыми металлическими карнизами... Короче говоря, вся округа. Легко можно было представить, что я дома и смотрю на родные рощи. Только здесь вместо деревьев повсюду были металл, дерево и кирпич.

– Здесь крыша плоская, – сказала Танцовщица. – Если по ней бежишь, легко можно споткнуться и загреметь. И тогда тебя заметят.

– Да, госпожа.

– Даже на настенной галерее, которая идет вокруг поместья Управляющего, ты в основном в безопасности. Обнаружить тебя могут в основном случайно. Здесь же отвалившаяся черепица или камешек грозят тебе смертью.

– Да, госпожа.

Танцовщица вздохнула.

– Попозже... когда я решу, что ты готова, мы поучимся прыгать.

– Спасибо! – Мне показалось, будто она чего-то ждет, поэтому я задала ей вопрос, который не давал мне покоя: – Раз здесь так опасно, зачем мы выбираемся сюда?

– Чтобы ты когда-нибудь сумела раскрыть все свои таланты.

– Такими танцами, как со мной, ты не занимаешься с другими кандидатками.

– Да, девочка. Почти никогда.

Даже в темноте я заметила, как грустно она улыбнулась.

Мы начали гулять по крышам ближайшего к нам квартала; Танцовщица шепотом предупреждала меня об опасности и иногда читала мне краткие лекции под луной. Она учила меня стоять и скользить по скату крыши, рассказывала о достоинствах различных коньковых брусков, объясняла, какие трубы лучше обходить стороной и как понять, куда лучше не приближаться. Внизу, на улицах, об опасности могли предупредить лица прохожих, звуки и запахи. Наверху, на уровне крыши, приходилось ориентироваться по углам, внимательно смотреть себе под ноги и избегать опасностей совсем иного рода.

Зимой крыши обледенели, и пришлось учиться заново. Даже улицу сложно было пересечь, потому что на снегу четко отпечатывались следы. Всю зиму мы совершали вылазки в тихие, темные кварталы, расположенные рядом с поместьем Управляющего. Я оставалась дома

лишь в те дни, когда на улице было слишком холодно и можно было простудиться. Простуда выдала бы меня госпоже Тирей.

Женщина-утка заметила мое приподнятое настроение и не раз допрашивала меня, не приносят ли другие наставницы чего-то запретного на свои уроки. Мне не хотелось бросать тень подозрения на Танцовщицу, поэтому я нарочно намекала то на госпожу Леони, то на госпожу Данаю, то на остальных. Я втайне радовалась, видя, как злобные мегеры следят друг за другом и иногда ссорятся. Правда, доставалось и мне, но теперь они, по крайней мере, не были заодно против меня и не усугубляли мое унижение.

Верный своему слову, Федеро не возвращался больше года. Я продолжала расти; в каком-то возрасте я стала похожа на жеребенка – длиннорукая, длинноногая, неуклюжая. Наставницы твердили, что такой я останусь до тех пор, пока не стану женщиной. Моя неуклюжесть сильно удручала меня и Танцовщицу на ежедневных тренировках в нижнем зале и еще больше – во время наших ночных вылазок на крыши.

Новая наставница, госпожа Эллера, стала учить меня искусству рисования красками и углем; она открыла во мне дар, который даже я сама в себе не подозревала. Довольно скоро я научилась сносно рисовать черно-белые портреты на прикрепленных к стенам листах писчей бумаги. Я забавлялась, делая наброски со всех моих наставниц. Наконец госпожа Тирей велела мне прекратить «баловство». Видимо, она боялась, что ее унижат, высмеяв на рисунке. И все же палитра госпожи Эллеры, в которой имелись разные цвета, оттенки и кисти, открыла мне окно в мир, о существовании которого я и не подозревала.

Я чуть не лишилась своих преимуществ, когда, забывшись, нарисовала буйвола Стойкого, стоящего по колени в грязи на рисовом поле. Госпожа Тирей что-то заподозрила. Лишь с большим трудом мне удалось убедить ее, что я изобразила божественную корову принца Захара из книги сказок госпожи Данаи.

Время от времени меня по-прежнему били – за невыученные уроки или за то, что подавала голос не спросясь. Жизнь шла как всегда.

Несмотря на мою неуклюжесть, мы с Танцовщицей продолжали обследовать крыши. Мы все дальше отходили от поместья Управляющего; я училась забираться наверх по водосточным трубам или по шпалерам, увитым виноградными лозами. Прохожие на улицах больше не отвлекали и не беспокоили меня, и все же я предпочитала обследовать город сверху, в тишине.

Там, на крышах, мы иногда встречали других людей – таких же тайных путешественников, как и мы. Молчание казалось нам лучшим приветствием и самым добрым прощальным напутствием. Все мы как будто разделяли общую тайну; я любила проводить ночи под звездным небом.

Мое существование постепенно вошло в привычную колею. Жилось мне, можно сказать, неплохо, если не задумываться об обстоятельствах моего заточения. Каждый вечер перед сном я по-прежнему пришивала колокольчик к воображаемому куску материи, но жгучее чувство несправедливости слегка померкло в силу привычки и благодаря многочисленным открытиям, сделанным мною на уроках.

Наступило лето; время от времени я поглядывала на ворота – не вернулся ли Федеро. Танцовщица снова изменила свои ночные уроки. Как-то раз мы не забрались на крышу, а прибежали в узкий двор в двух кварталах от поместья Управляющего. Двор был завален мусором; в мусорных кучах копошились крысы с горящими во тьме глазами. Если задрать голову, можно было увидеть лишь узкую полоску неба. Во дворе было душно и смрадно; мусор странно шуршал.

– Сегодня мы выбираем необычный путь, – объявила Танцовщица. – Можешь сказать, куда мы пойдем?

– Не навверх и не внутрь... – Я огляделась по сторонам, потом посмотрела на металлическую решетку под ногами. – Неужели вниз?

– Внизу, под городом, тоже кипит жизнь. – Улыбка ее сделалась мрачной. – Ты узнаешь правду, которая лежит внизу. – Она взяла меня за руку. – Там, внизу, не отходи от меня ни на шаг! Если потеряешься на крыше, ты всегда можешь спуститься на улицу и вернуться назад. Внизу никаких опознавательных знаков нет. Выходов на поверхность очень мало, и расположены они, как правило, в самых неподходящих местах.

Когда мы перебирались с крыши на крышу, мы то и дело спускались вниз, а потом снова поднимались вверх. Иногда нужно было выжидать, пока пройдут прохожие, или искать укромный уголок. Я поняла, когда можно спускаться вниз, а когда лучше переждать. Есть ли внизу места, где можно спрятаться?

– Далеко ли ведет этот путь?

– Мы не сможем проникнуть всюду, – призналась Танцовщица, – но мест, куда мы попадем, будет намного больше, чем ты можешь вообразить. Под городом есть несколько уровней.

– Вода течет глубже?

– Канализационные шахты ведут в основном в порт. Но под канализацией есть другие шахты, галереи и норы. Они сохранились с древних времен, когда здешние жители предпочитали строиться под землей.

Ее слова меня заворожили.

Мы сняли решетку и заглянули в замшелую дыру, откуда несло плесенью. В стене виднелись металлические ступеньки. И ступеньки, и кирпичную кладку колодца покрывала слизь.

– Внизу я всегда буду идти первой, – сказала Танцовщица. – Если только не прикажу тебе поступить по-другому.

Она начала спускаться. Я последовала за ней. Не придумав, как закрыть за собой решетку люка, я оставила ее открытой.

Ступеньки не доходили до дна локтей на восемь или десять; пришлось прыгать. Танцовщица помогла мне не упасть. Почувствовав под ногами дно, я задрала голову и увидела вдали круг звезд и молодой месяц. Он словно перевернулся, закрыл собой все ночное небо, оставив видимым лишь один звездный диск.

Где-то журчала вода. Запах плесени сменился запахом влажного камня и гниения. Оглядевшись по сторонам, я поняла, что ничего не вижу.

– Ты можешь, сама того не ведая, провалиться в яму. – И голос Танцовщицы донесся совсем не с того места, где она, по моим расчетам, должна была находиться. Я вздрогнула от неожиданности. – Здесь, внизу, кое-кто живет. В основном отвратительные твари. – Танцовщица снова переместилась, и я снова ничего не заметила. Она двигалась совершенно бесшумно. Ее коварство заставило меня понять, насколько я завишу от собственных глаз.

– Света здесь нет, кроме того, что ты принесешь с собой. – Тут мне показалось, что я услышала, как ее нога шлепнула по камню. – Закрой глаза и повернись кругом! – Она положила руки мне на плечи и развернула. Как ни странно, когда я закрыла глаза, стало хуже. Как будто равновесие отчасти зависело от зрения – пусть даже и в кромешной тьме.

Танцовщица еще несколько раз повернула меня кругом и, наконец, велела остановиться.

– Ну-ка, шагни!

Я попробовала сделать шаг и тут же упала, едва не вскрикнув от удивления и боли. Я с силой ударилась об осклизлый камень; мне показалось, будто я вывихнула колено.

Под рукой что-то извивалось. Я невольно вскрикнула; сердце забилося чаще.

– Нравится тебе здесь? – спросила Танцовщица откуда-то сверху. Ее дыхание было горячим; мне показалось, будто я вижу тусклое мерцание в том месте, где находятся ее глаза.

– Д-да... – Я держалась за свой страх, прижимая его к себе, как прижимала к себе гнев и печаль, живя на Гранатовом дворе. Здесь, внизу, я была свободна – так же свободна, как под

звездным небом на крышах. Когда я научусь ориентироваться здесь и определять расстояние, будет еще лучше... Если госпожа Тирей узнает, что я спускалась под землю, она убьет меня на месте или сразу продаст.

Спуск под землю стал для меня страшным опытом. Если бы Танцовщица не держала меня за руку, я бы не смогла никуда идти. Стен не было, кроме сводов туннелей. Оказывается, под ногами моих тюремщиков раскинулась громадная клетка размером с целый город.

– Да, – повторила я, – мне здесь нравится.

– Хорошо, – ответила Танцовщица. – Но и о страхе не забывай. Он сохранит тебе жизнь здесь, внизу.

«Страх не сохранит мне жизнь, – подумала я. – Мне хранит жизнь мысль о том, что я должна вернуть долг».

– Вот, возьми! – Танцовщица протянула мне ленту из черной материи.

Через девять дней после первого похода в подземелье, холодной, промозглой ночью мы вышли во двор. Мне не терпелось снова очутиться внизу.

– Зачем?

– Завяжи глаза.

Началась старая игра. То же самое я часто проделывала с госпожой Тирей. Я сложила материю втрое и повязала так, чтобы полностью закрыть глаза. Хотя я еще ничего не знала, мы готовились к одному из самых ценных уроков.

– Медленно дойди отсюда до лошадиного стойла. – Она крепче сжала мне предплечье – так, что когти впились в кожу. – Только помни: медленно!

Танцовщица развернула меня лицом к дальней стене двора и отпустила. Я уверенно шагнула вперед – и тут же ударилась голенью о низкую ограду вокруг гранатового дерева. Споткнувшись, я полетела вперед и врезалась в дерево, оцарапав ладони о шершавую кору. Теперь у меня болела не только нога, но и плечо. Подавив рвущийся из горла крик, я, запинаясь, пробормотала:

– Зачем ты меня развернула?

Я не скрывала упрека; мне казалось, что она меня предала.

– Ничего подобного, – возразила Танцовщица, – ты повернулась сама. Я только направила тебя не в ту сторону.

– Так несправедливо!

Голос ее зашипел совсем близко от моего уха, как там, в подземелье:

– А весь мир устроен справедливо?

– Н-нет...

– Тогда почему я должна быть справедливой? Ты прожила здесь больше трех лет. Во дворе тебе знаком каждый камень. Зачем тебе здесь моя помощь?

Я замахала руками, показывая, чтобы она отошла, и застыла на месте.

Ее дыхание стало почти бесшумным; я лишь ощущала легчайшее дуновение воздуха. По-прежнему не двигаясь с места, я вытянула руки вперед и стала прислушиваться.

Было тихо – в доме Управляющего всегда тихо. Но в большом городе, да и везде, где живут люди, никогда не бывает полной тишины.

Дома, когда я была еще совсем маленькая, в костре потрескивал огонь, даже после того, как гасло пламя и оставались одни угли. От запаха пепла щипало глаза. Стойкий фырчал в своем стойле; всю ночь у него бурчало в животе. Под деревьями таякали лисицы. Ночные птицы охотились и пели свои охотничьи песни.

На «Беге фортуны» волны то и дело плескали в борт. Под палубой ворчал паровой котел. Даже среди ночи матросы несли вахту; кто-то бежал по палубе, сворачивал канат или измерял глубину.

Здесь тишину нарушало тихое потрескивание огня в доме. С улиц за стенами поместья также доносился шум. Ветер по-разному свистел, огибая высокие, гладкие внутренние стены, ветви гранатового дерева или крышу, выложенную листьями меди.

После того как я сосредоточилась и прислушалась, мне показалось, что даже Танцовщица дышит слишком громко.

Какое-то время я слушала дерево; пусть его влажная кора подскажет, где я нахожусь. От дерева я повернулась в ту сторону, откуда доносилось легчайшее эхо ветерка у внутренней стены. Затем я сделала маленький шагок, нащупала небольшую горку камней, насыпанную рядом с земляной оградкой вокруг гранатового дерева. Еще один шагок – и поверхность стала более ровной. За спиной я слышала смутные отголоски уличного шума. Стена впереди. Я осторожно пошла к ней, раскинув руки в стороны для равновесия. Я заранее группировалась, готовясь упасть, если наткнусь на камень или подножку Танцовщицы – она часто так поступала.

Насчитав двадцать два шага, я коснулась ладонью внутренней стены. А ведь я заранее знала, знала, что она будет здесь! Значит, стойло слева, шагах в пяти. Какое-то время я прислушивалась. Из стойла никакого шума не доносилось; оно было маленькое и стояло здесь уже несколько лет. Оно было такое маленькое, что не могло поймать в ловушку легкий ветерок. Значит, придется идти по памяти.

Я повернулась, сделала шаг и уткнулась в стенку стойла. И упала от неожиданности, больно ударившись о камни.

Через миг Танцовщица склонилась надо мной. Я слышала ее последние шаги; затем услышала дыхание – совсем близко.

– Ты знаешь двор, как свои пять пальцев. И все-таки падаешь, хотя почти дошла до нужного места. Как же ты будешь управляться под землей?

– Я буду следовать за тобой, госпожа.

– Ты будешь следовать за мной. – Танцовщица опустилась на колени – я поняла это, потому что едва слышно хрустнули ее суставы, зашуршала туника. Когда она присела рядом, мне стало теплее. – Девочка, мое зрение отличается от твоего. Я чувствую тепло по-разному, как ты... по-разному воспринимаешь цвета. Как правило, под землей очень влажно, а вода совсем не похожа на сухую каменную кладку.

– Госпожа, я не вижу тепла.

– Да, не видишь. – Она тронула меня за плечо. – Есть и другие способы ориентироваться. Там, внизу, свет часто бывает опасен. Огонь может вызвать взрыв дурного воздуха в туннеле... А еще свет опасен тем, что другие люди и... разные создания заметят тебя издали. Зато под землей есть так называемый «холодный огонь»; так называют определенный вид светящейся плесени, которую можно соскрести со стен. «Холодный огонь» поможет и не выдаст.

– Я понимаю, как там опасно, – сказала я.

– Хорошо. Теперь попробуй пробежаться по двору, не снимая повязки!

Я падала еще шесть или семь раз, но все же под конец обежала весь двор по внешнему краю. Я боялась, что Танцовщица заставит меня лезть на стену с завязанными глазами, но она не заставила.

На следующий день я надела длинную юбку, чтобы скрыть синяки. Госпожа Тирей ни о чем меня не спрашивала, но я знала: если она заметит мои ноги, она меня побьет. В тот день я старалась особенно угождать ей и быть послушной.

Вскоре после того вернулся Федеро; он приехал ближе к концу года, как и обещал. Снег еще не выпал, но по утрам камни во дворе были покрыты инеем. Гранатовое дерево сбросило последние листья, и начали появляться рваные облака, которые зимой закрывали верхнюю часть неба. Я не любила холод, но свежий воздух всегда бодрил меня.

Когда человек, пленивший меня, показался у входа в верхнюю гостиную, я бросилась к нему.

Он поймал меня в объятия, а потом отступил назад и отодвинул на расстояние вытянутой руки, чтобы лучше оглядеть. Пока он осматривал меня, я осматривала его.

Я хорошо знала, кого он видит перед собой: неуклюжую длиннорукую и длинноногую девочку, которая еще не стала женщиной. На Гранатовом дворе меня ни разу не стригли, только подравнивали кончики. Длинные волосы доходили мне до пояса. Одеваться я стала лучше – разумеется, одежду для себя я шила сама.

Федеро же выглядел усталым. За год странствий он как будто состарился лет на пять. Раньше я не замечала морщин у него на лице. И скулы проступили четче.

– Ты что, болел? – спросила я.

Госпожа Тирей у меня за спиной сурово прокашлялась. Я осеклась, хотя и понимала, что ей не хватит смелости наказать меня в присутствии Федеро.

– Немного. – Он улыбнулся, и я увидела, что зубы у него желтые. – Странная пища плохо действует на мой желудок. Мне рассказывали о твоих успехах, девочка.

Я с большим трудом заставила себя не оглядываться на госпожу Тирей. Она и без того готова была взглядом просверлить мне дыру в спине.

– Мне об этом ничего не известно. Я прилежно занимаюсь и всегда слушаюсь своих наставниц. – По выражению моего лица Федеро сразу понял: я хочу сказать нечто, не предназначенное для ушей госпожи Тирей. – Хотя, возможно, в жизни мне все выученные уроки никогда не понадобятся, – добавила я.

– Из тебя делают знатную даму, а не особу, которая занимается трудом... Даже таким, каким иногда занимаются дочери самых благородных семейств!

Госпожа Тирей снова шумно откашлялась. Судя по всему, Федеро сказал гораздо больше допустимого.

– Сейчас я побеседую с твоей наставницей, – продолжал Федеро. – А ты пока поиграй на каком-нибудь музыкальном инструменте, если он у тебя имеется.

Моя костяная флейта хранилась внизу, хотя мы с госпожой Мальей обе приходили в отчаяние, когда я пыталась извлечь из флейты какую-нибудь мелодию.

– Хорошо. – Присев, как меня недавно научили, я убежала.

Шли годы. Федеро то приезжал, то уезжал; он жил по собственному, понятному ему одному, расписанию. Наставницы приходили и уходили. Меня учили этикету, резьбе по камню, хорошим манерам, фехтованию – причем мужским клинком, чтобы я могла сразу определить хорошего фехтовальщика, когда увижу его, – а также архитектуре, столярному ремеслу, умению распоряжаться денежными средствами. Мне открывали и настоящие тайны – например, рассказывали, как добывают различные продукты и товары и как они попадают на рынки и в большие дома.

Танцовщица продолжала заниматься со мной. Я училась прыгать, падать и делать более странные вещи – держать равновесие на спинке шаткого стула или раскачиваться на карнизе для шторы. Иногда мы занимались и танцами и демонстрировали госпоже Тирей и другим наставницам быструю павану и торжественную павану, женскую сарабанду и танец смены времен года. Мы разучивали «княжеский шаг» и «поклон Граустоуна».

Один раз в неделю-две мы гуляли по крышам, спускались под землю, а иногда и ходили по улицам. Я росла, и Танцовщица показывала мне все новые и новые приемы. Мне пришлось переучиваться и лазать по стенам, и падать. Внизу, в крошечной тьме, я осваивала броски и блоки, вроде тех, которые она применила ко мне в ту ночь, когда я всерьез попыталась с ней драться.

Пришлось учиться всему заново. В темноте можно было определить местонахождение противника, ориентируясь только по звукам и дыханию. Главное – понять, где находятся ноги... Госпожа Тирей подозрительно косилась на мое распухшее лицо, но мы с Танцовщицей объясняли, что я получила травмы в тренировочном зале. Возможно, она нам не верила, но по-прежнему побаивалась Танцовщицы и потому молчала.

Федеро докладывали обо всех моих успехах. Со временем мне стало совершенно ясно: меня готовят к выполнению какой-то сложной задачи. Мне казалось, что мое будущее никак не связано с насилием. Даже ночные занятия в основном были посвящены искусству правильно двигаться, самозащите и выживанию в трудных условиях... Значит, в будущем мне следует избегать риска стать чьей-то жертвой. На поверхности же меня продолжали готовить к жизни знатной дамы Каменного Берега.

Я все острее сознавала, что мне постоянно лгут. Точнее будет назвать всеобщее отношение ко мне не ложью, а недомолвками. Мои наставницы, не жалея сил, оттачивали мой ум. Неужели они думали, что я не воспользуюсь логикой и опытом, который они в меня вложили?

Если все шло хорошо, я почти наслаждалась жизнью. Приятно, когда удается рисунок, когда читаешь интересную историю, когда решаешь сложную задачу с цифрами. Даже сегодня я продолжаю испытывать благодарность за полученные мною дары.

Вместе с тем, обращались со мной крайне сурово. Все наставницы, за исключением Танцовщицы, бдительно следили за мной, как за принцессой-девственницей в детских сказках. Ни одна из них не относилась ко мне с любовью и уважением. Видимо, все они считали меня трудной задачей, в решении которой можно потерпеть сокрушительное поражение.

Только Танцовщица воспринимала меня такой, какая я есть. Не такой, какая я была прежде, – мое прошлое было закрыто от всех, кроме Федеро, а он никогда не говорил со мной о моем раннем детстве. Танцовщица же видела меня той девочкой, что пряталась под личиной прилежной ученицы.

Откровенно говоря, и госпожа Тирей тоже понимала, какая я, – но по-своему. Самую большую боль мне причиняло именно сознание, что она догадывается о моей внутренней сущности и все же обращается со мной жестоко и часто срывается на меня.

Я по-прежнему пришивала колокольчики на воображаемый шелк невидимой иглой. Со временем воспоминания о первых днях жизни поблекли и превратились в неясные тени, похожие на старинные гравюры, которые показывали мне госпожа Даная и госпожа Эллера. Но совсем не исчезали. Я старательно повторяла про себя слова на моем родном языке, хотя они ускользали от меня – с каждым летом их становилось все меньше и меньше. На место прежних слов приходили новые, петрейские. Новые знания, пришедшие с новым языком, затопили мою жизнь, как река.

Однажды – к тому времени я провела на Гранатовом дворе шесть лет с лишним – я поняла, что не знаю, как меня зовут. Очень долго все звали меня просто «девочкой», а собственного имени я давно не слышала. Меня называли «девочкой», и никак иначе... Мое истинное имя, тайное имя, данное мне при рождении, я не произносила даже про себя, даже шепотом в те ночные часы, когда позволяла себе насладиться самыми старыми воспоминаниями.

У меня никого не осталось, кроме Стойкого. Его имя было таким же сильным, как и он сам. Другие образы из тех первых дней – бабушка и колокольчики на ее похоронах, лягушки в канавах – тоже были сильными. Но и слова, и вещи, которые они обозначали, все время ускользали, уходили от меня, как уходит из-под ног песок во время прилива.

В ту ночь, когда я не смогла вспомнить свое имя, я плакала горько, навзрыд. Потом я услышала, как госпожа Тирей пошевелилась. Она кряхтела и ворчала, и я заставила себя замолчать. Спустя какое-то время я поняла, что ворочалась и ворчала она нарочно. Она не стала меня бить, разрешив плакать.

Может, таким странным образом она проявляла свою любовь ко мне?

Этот вопрос снова заставил меня расплакаться, на сей раз я плакала молча, дрожа всем телом.

Шли дни. Во время наших ночных вылазок под землю мы начали встречать людей. Если путешественники по крышам больше молчали и держались особняком, как далекие звезды, внизу, под городскими улицами, принято было вести себя совсем по-другому. Увидев кого-то, нужно было остановиться и дать встречному осмотреть тебя.

– Здесь сразу видно, кто враг, а кто – нет, – объяснила Танцовщица после одной такой встречи. – Тот, кто не останавливается, все равно что замахивается на тебя кинжалом. Звери и безумцы не остановятся, и ты сразу понимаешь, что они опасны.

– А друзья?

– Внизу, под камнями, друзей нет.

– А ты?

– Я такая, какая есть... Тебе решать, друг я или враг.

Я долго думала над ее словами, но так и не пришла ни к какому выводу.

Через несколько месяцев после того разговора Танцовщица начала знакомить меня с некоторыми обитателями подземелий. Так, однажды она прошептала:

– Матушка Железная!

Встречная кивнула. Она была невысокого роста и показалась мне всего лишь тенью, хотя ее глаза сверкнули в слабом отражении «холодного огня» у меня в руке. В ее внешности было что-то необычное, даже пугающее, хотя я не могла понять, в чем дело – в ее одежде, кольчуге или необычности фигуры.

– Это моя ученица, – сказала Танцовщица.

Матушка Железная ответила на незнакомом мне языке. Голос ее шел откуда-то из глубины, как будто она была гораздо выше, чем казалась – великаншей с широкой, как у лошади, грудью. К тому времени я довольно много знала о звуках и о том, как они извлекаются.

Танцовщица ответила на том же языке. Обе кивнули, и матушка Железная обошла нас кругом. Запах от нее шел не самый лучший: потянуло кожей, из которой шьют конскую сбрую, металлической стружкой и навозом, как в стойле. В общем, пахло от нее вовсе не человеком.

Тогда я, конечно, сочла за лучшее промолчать, но позже спросила:

– Кто она?

– Матушка Железная.

Мы сидели у гранатового дерева; я переодевалась из черного ночного наряда.

– Да, но кто она такая? Что она делает под землей?

– Она сама по себе и занимается своими делами.

Значит, матушка Железная – призрак? А может, она какая-нибудь незначительная богиня?

– Ты не ответила на мой вопрос!

– Да, девочка. – В лунном свете я увидела улыбку Танцовщицы. – Но знай: все встречные под землей, чьи имена я тебе называю, – не враги.

– Но и не друзья.

– Верно. И все же, если ты попадешь в беду, матушка Железная, возможно, поможет тебе. Если захочет. Она не станет намеренно умножать твои несчастья.

– Спасибо. Я понимаю.

– Пожалуйста, – серьезно ответила Танцовщица.

Внизу мы познакомились еще кое с кем; он стал не просто именем, которое слышишь один-два раза. Впервые мы повстречали его в одну из самых теплых ночей, в середине нежаркого северного лета.

Танцовщица тогда как раз учила меня падать в темноте. Она, бывало, приказывала мне оставаться в относительно безопасном месте, а сама куда-то уходила, унося с собой мой «холодный огонь». Через минуту-другую она цокала языком – если цокнет один раз, значит, прыгать нужно на три шага. Набравшись храбрости, я шла вперед, находила обрыв и прыгала вслепую.

В первый раз я чуть не умерла от страха, хотя падать пришлось с совсем небольшой высоты – локтей с трех, а то и меньше. Натренировавшись, я немного привыкла, хотя прыжки в темноте никогда не были простым делом. И все же я привыкла доверять своей наставнице и научилась падать в темноте.

– Слушая эхо, ты всегда сумеешь определить, где стены и своды, а где дно, – учила меня Танцовщица. – Как только ты привыкнешь падать с небольшой высоты, мы будем учиться оценивать глубину колодца.

Упражнение нельзя было назвать обычным, но я давно поняла, что истинная цель наших занятий состоит в том, чтобы я постоянно действовала на пределе своих возможностей.

Я стояла на выступе; впереди, примерно в шаге от меня, была низкая каменная балюстрада. Их я не видела, но по опыту помнила, что они там. Танцовщица цокнула языком четыре раза; каждый раз обозначал три шага. Всего, значит, предстояло пролететь расстояние в двенадцать шагов. В прыжке нужно было успеть сгруппироваться и перекувырнуться в воздухе перед приземлением. Так меньше риск переломать кости; руки смягчат удар о землю. Во время таких ночных тренировок туфли и перчатки защищали мои ладони и ступни. И все равно мне угрожала опасность вывихнуть сустав или прищемить руку или ногу. Когда я была еще мала, мне помогали мой небольшой рост и худоба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.